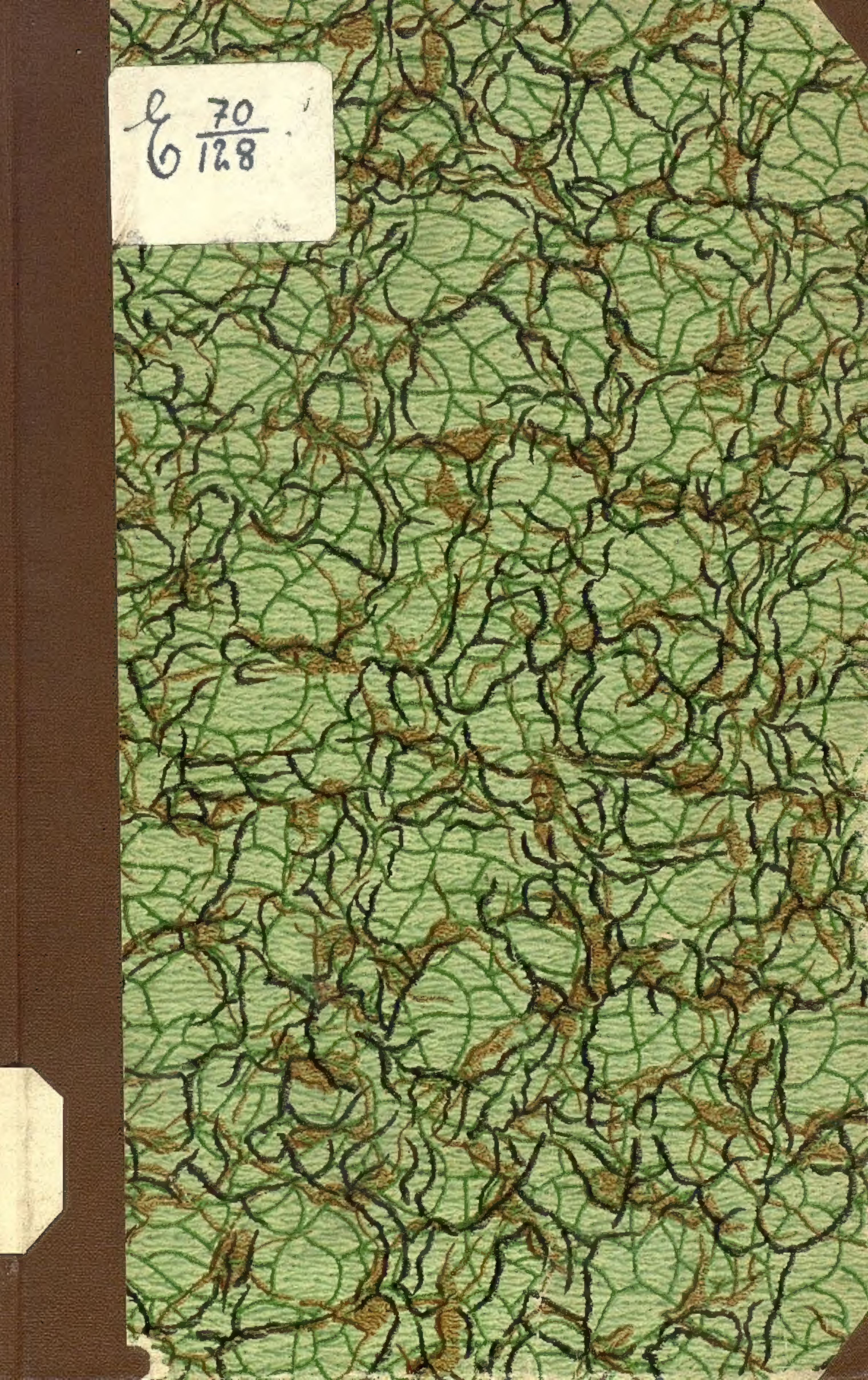

Є 70/128

МЫСЛИ

ОБЪ

ИСТОРІИ ВООБЩЕ И РУССКОЙ ВЪ ЧАСТНОСТИ,

И

О ВРЕМЕНИ РОЖДЕНІЯ НАЗВАНІЙ:

ГРЕЧЕСКОЕ, ЛАТИНСКОЕ, НѢМЕЦКОЕ, РУССКОЕ ИЛИ ГРАЖДАНСКОЕ, СЛАВЯНСКОЕ ИЛИ ЦЕРКОВНОЕ ПИСЬМО.

СОЧИНЕНІЕ

Ю. Венелина.

МОСКВА.

1847

МЫСЛИ

ОБЪ

ИСТОРІИ ВООБЩЕ И РУССКОЙ ВЪ ЧАСТНОСТИ,

И

О ВРЕМЕНИ РОЖДЕНІЯ НАЗВАНІЙ:

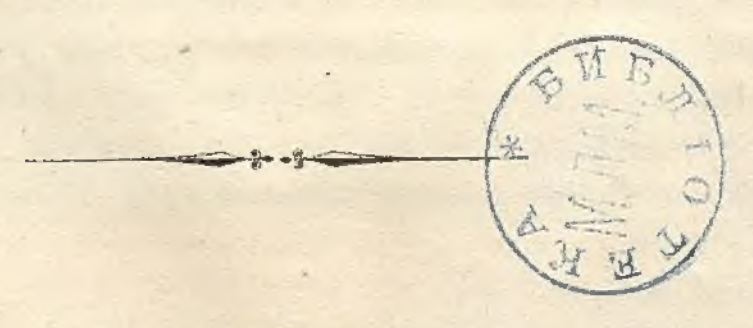
греческое, латинское, нѣмецкое, русское или гражданское, славянское или церковное письмо.

Сочиненіе

Дѣйствительнаго Члена

ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ,

Ю. Венелина.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1847.

По опредѣленію Общества, 26-го апрѣля, 1847 г. Москва.

Секретарь О. Бодянскій.

ИЗДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

МЫСЛИ
ОБЪ ИСТОРІИ ВООБЩЕ И РУССКОЙ ВЪ ЧАСТНОСТИ.

Слово *Исторія*, Богъ вѣсть съ чего взятое, означаетъ *описаніе* или *изображеніе*; посему *Исторія Россіи* есть то же, что *Изображеніе Россіи.* Такимъ образомъ, напишете Исторію нынѣшней Россіи тогда только, когда изобразите ее со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ ея частяхъ, представите ее на ладони. Дѣло идетъ о народѣ. Такъ 1) откройте его отличительныя черты отъ прочихъ народовъ, языкъ, имя; 2) изобразите его *устройство* (organisatio), ибо народъ, какъ цѣлое, есть тѣло органическое; организмъ этотъ есть не иное что, какъ только порядокъ; порядокъ же есть единственное условіе существованія или жизни цѣлаго.

Устройство народа состоитъ изъ двоякаго порядка: а) *внѣшняго*, или формы устройства, и б) изъ *внутренняго*, или Законовъ и Правъ. Вотъ два условія жизни народа, какъ цѣлаго, изъ коихъ первое представляетъ намъ *óрганы* или орудія жизни народной, а послѣднее самую внутренюю, *жизненную силу*. Оба рода порядка имѣютъ между собою столь тѣсную связь, что одинъ безъ другаго существовать не можетъ. Изображеніе всего *перваго*, на чужомъ языкѣ, называется Археологіей, Археографіей (Ἀρχαιλογία, Ἀρχαιογράφια); Русскаго названія этой наукѣ нѣтъ, ибо ученые, для общаго блага, до сихъ поръ думали, что понятнѣе будетъ названіе науки, вымастеренное изъ какого либо бусурманскаго языка, чѣмъ Русское, и что полезнѣе, для уразумленія онаго имени, заставить юношу коптѣть 7 лѣтъ надъ Еллинскимъ языкомъ, чѣмъ, посредствомъ Русскаго слова, дозволять ему понять то въ одну секунду.

Это, просто, по Русски, можно перевести *Чинопись*, т. е., описаніе чиновъ.

Изображеніе *послѣдняго* есть Νομογράφια, Nomographia, *Законопись*, Δικαιογράφια, Dicaeographia, *Правопись*, описаніе правъ и Законовъ, иначе, *Правовѣдѣніе*, *Законовѣдѣніе*.

Изобразивъ, подробно, внутреннее и внѣшнѣе устройство народа, т. е., тѣло, какъ цѣлое, мы уже получаемъ о немъ довольно ясное понятіе.

3) Изобразите *душу* народа. Въ этой статьѣ изобразите: а) характеръ и нравы; б) умственныя способности: 1) всю сферу его свѣдѣній, касательно Бога, Природы и самаго человѣка; 2) состояніе искуствъ и издѣлій.

4) Изобразите его, такъ сказать, *прозябеніе:* а) всѣ роды напитка, пищи, имъ употребляемой, образъ приготовленія и употребленія оной; б) всѣ виды, качества и формы одѣяній; в) качества и формы жилищь; г) опишите ясно всѣ вещи, употребляемыя въ общежитіи, вопервыхъ, изъ необходимости, во вторыхъ, изъ пользы, въ третьихъ для удовольствія; словомъ опишите *обзаведеніе* народа, или *питаніе.*

5) Получивъ понятіе о тѣлѣ народа или массѣ, устройствѣ оной, душѣ или духѣ оной, и образѣ пропитанія оной, вы начертили главныя условія, соединеніе коихъ составляетъ полную жизнь народа, совершенно аналогически съ тѣми законами или условіями, коими поддерживается жизнь самаго человѣка.

Единственный признакъ сей жизни есть *движеніе*, какъ въ человѣкѣ, такъ и въ народѣ. Можетъ быть, скажете, что человѣкъ можетъ жить, нѣкоторое время, безъ всякаго движенія, т. е., что, ни чуть не двигаясь, онъ все живетъ; нѣтъ: движеніе, хотя и не ощутительно снаружи, но составныя частицы его тѣла движутся безостановочно, и тогда, когда тѣло человѣка будетъ находиться въ совершенномъ, такъ называемомъ, покоѣ, дыханіе, какъ условіе питанія тѣла, движетъ большую часть покоющагося тѣла, а пульсъ разливаетъ во всѣ уголки онаго движущіяся влаги, т. е., питательные соки. Посему, самое *питаніе* тѣла, само по себѣ, есть вѣчное движеніе, происходящее въ столь строгомъ порядкѣ, что нельзя ему не удивляться довольно.

Конечно, подобное движеніе совсѣмъ различно отъ того, которое производитъ человѣкъ возбудившійся отъ сна и принявшійся за работу. Разница ощутительна; посему, вообще, движеніе раздѣлить можно на: 1) движеніе *внутреннее*, или *питанія*, или *существованія*, или *порядка*; 2) движеніе *внѣшнее* или *предпріятія.*

Совершенно подобнымъ образомъ происходитъ и въ народѣ. *Внутреннее* движеніе есть: а) *Повиновенія* или *порядка;* это есть безпрерывное теченіе дѣлъ Государственныхъ, дѣлъ управленія

всего цѣлаго во всѣхъ большихъ и малѣйшихъ его частяхъ; б) *Питанія*, когда всѣ частицы сего цѣлаго *гоняются* за собственнымъ своимъ пропитаніемъ. *Внѣшнее* движеніе, или *предпріятія*, суть всѣ тѣ дѣянія, которыя цѣлый народъ, или часть онаго, по волѣ цѣлаго, *предпринимаетъ* что либо и совершаетъ; эти-то предпріятія суть дѣла или дѣянія народа, почти всегда клонящіяся къ своей настоящей или будущей пользѣ, а иногда и для пользы другаго, если этого требуетъ собственная выгода, точно такъ, какъ это бываетъ и съ человѣкомъ. Дѣла народа, обыкновенноп, роисходятъ или посредствомъ пословъ, или посредствомъ армій, или посредствомъ коммерческой компаніи, каравановъ; сюда относятся всѣ предпріятія для общаго удобренія и усовершенствованія поля наукъ, искуствъ и ремеслъ, и кое-что еще, тому подобное.

Въ семъ-то послѣднемъ (внѣшнемъ движеніи) мы должны понять и изобразить степень *народной дѣятельности*, отъ которой единственно зависитъ его независимость и довольство, т. е., *счастье.*

И такъ, въ полномъ изображеніи народа, вы должны очертить и степень его дѣятельности, приведши его дѣла и сравнивъ съ дѣлами другихъ. Это весьма нужно знать; ибо эта дѣятельность не всегда находится на тойже точкѣ: иногда бываетъ сильнѣе, иногда слабѣе, иногда въ томъ, а тамъ въ другомъ отношеніи. Конечно, только изъ вѣрнаго означенія разныхъ оттѣнковъ дѣятельности народа можно начертать вѣрное его жизнеописаніе, или описаніе его дѣяній.

Наконецъ, 6-е, чтобы почувствовать относительное достоинство, дѣятельность, относительное состояніе народа, должно познакомиться съ его сосѣдами; ибо нужно знать, какую роль онъ играетъ въ кругу своихъ сосѣдей. Это суть тѣ оттѣнки, которые вполнѣ освѣтятъ ваше изображеніе.

Вотъ условія, по которымъ вы должны начертить ясное и живое *изображеніе*, т. е., *исторію* сегоднишней Россіи. Дѣло огромное, трудъ утомительный; сколько предметовъ, сколько понятій, свѣдѣній, должно войти въ составъ этой огромной картины!! То есть, вы должны знать Россію во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ и подробностяхъ, насквозь и поперегъ; т. е., ваша

голова должна заключать въ себѣ библіотеку всѣхъ наукъ, проистектющихъ изъ вышеупомянутыхъ условій.

Изъ этого выходитъ, что рѣдкій, очень рѣдкій Россіянинъ можетъ быть живописцомъ своего отечества; ибо у рѣдкаго вся упомянутая библіотека въ головѣ; мнѣ никто еще не попадался въ глаза, коему были извѣстны всѣ подробности состоянія Россіи во всѣхъ отношеніяхъ; разныя ея черты и мнѣ еще неизвѣстны.

Правда, есть лица, которыя находятся на столь выгодныхъ точкахъ, что могутъ все почти обозрѣть; однако и многое убѣгаетъ ихъ взора, по той или другой причинѣ. Вообще, живописецъ долженъ имѣть всѣ возможныя пособія и матеріалы для своей картины, т. е., онъ долженъ имѣть предъ собою готовыя и вѣрно срисованныя черты порознь, для того, чтобы соединить ихъ въ одно нераздѣльное цѣлое. Но это искуство, представить всѣ отдѣльныя черты въ единствѣ, весьма трудно, и требуетъ геніальнаго творца; между тѣмъ какъ изобразить порознь, на пр., состояніе медицины, законодательства, торговли, хлѣбопашества, нравовъ и проч., можетъ написать всякій.

Но изобразить сихъ предметовъ нельзя безъ частыхъ повтореній въ однихъ того, что сказано въ другихъ; ибо тѣснѣйшая связь находится между медициной и законами, медициной и общежитіемъ, общежитіе съ нравомъ и духомъ народнымъ, духъ съ дѣятельностью въ наукахъ и искуствахъ, и, вообще, на все внѣшнее движеніе народа; дѣятельность съ законами, законы съ просвѣщеніемъ и религіей; словомъ, всякая черта выходитъ изъ другой и переливается въ иную, такъ что одна другой причиною и слѣдствіемъ.

И такъ, даже изображеніе или Исторія одного цѣлаго, находящагося предъ вашими глазами, есть, сама по себѣ, утомительнѣйшій трудъ; ибо, кромѣ необходимости всѣхъ подробныхъ и, вмѣстѣ, вѣрныхъ свѣдѣній, надобно еще владѣть рѣдкимъ и отличнѣйшимъ искуствомъ живописать или описывать.

Конечно, цѣль *Исторіи* настоящей Россіи есть та, чтобы познакомить съ нею всякаго. Вѣрнаго понятія, вѣрнаго знакомства, нельзя ожидать, какъ только отъ вѣрнаго описанія. Для сего нужно снять *копію*, такъ сказать, съ самой натуры и представить всю машину ясно, какъ бы на ладони.

Съемка подобной копіи можетъ имѣть весьма полезныя и благія слѣдствія; ибо скорѣе и удобнѣе укажетъ на недостатки въ натурѣ и подастъ поводъ къ исправленію оныхъ. Для сего, нужно бы все, что только можно или позволительно, выводить наружу.

По настоящему, надлежало бы всякій годъ снимать съ цѣлой народной массы вѣрную копію и хранить ее въ надлежащемъ порядкѣ; тогда только всякій наблюдатель обозрѣвая нѣсколько копій, на прим., 10, можетъ усмотрѣть, съ копіи до копіи, постепенное перерожденіе, исправленіе цѣлаго, преобразованіе или перехожденіе онаго къ совершенству, въ тѣхъ или въ другихъ, или во всѣхъ чертахъ. Эти только 10 вѣрныя копіи, или изображенія, т. е., Исторіи цѣлаго, могутъ составить вѣрную десятилѣтнюю *Исторію* Государства. Правда, что многое и главное, въ копіи, не легко перемѣняется, т. е.. то, что нынѣ было и въ прошломъ году, останется и въ будущемъ и т. д. Однако, никогда одна копія не похожа совершенно на другую; разница между ними всегда бо́льшая или ме́ньшая, смотря по тому, какъ нововведенія, измѣненія въ общемъ устройствѣ, и явленія народной дѣятельности происходятъ чаще и больше. Чѣмъ болѣе и ощутительнѣе разница между копіями, тѣмъ болѣе было дѣятельности и движенія къ лучшему въ государствѣ; но если эта разница, между 10 копіями, первою и десятою, очень малая, то это показываетъ, что народъ, въ продолженіе десятилѣтія, находился въ глубокой тишинѣ, или, такъ, въ летаргическомъ бездѣйствіи; это былъ бы прямой путь къ его ничтожеству, бѣдности и слабости. Междоусобіе, или внутреннее волненіе, раздоръ между частями есть совершенно то, что конвульсіи въ человѣкѣ, отъ коихъ все тѣло изнемогаетъ и умираетъ.

И такъ, по этому, очень ясно, что значитъ Исторія народа или государства не только лѣтъ 10-ти, но и 500 и 1000 лѣтъ; разумѣется, столько же вѣрныхъ изображеній или копій отечества.

Эти 1000 копій, конечно составляетъ 1000 томовъ, въ которыхъ многое повторяется одно и то же; но Историкъ не перепишетъ всѣхъ этихъ копій вполнѣ, но только представитъ первую полную и, переходя чрезъ слѣдующія, замѣтитъ только ихъ

постепенныя разницы, не повторяя всего, находящагося въ первой; или, Историкъ изображаетъ подробно и ясно всѣ постепенныя перемѣны въ своей копіи отъ 2-й до 1000-ной; замѣтитъ настоящія причины этихъ перемѣнъ и вмѣстѣ, пускается за ихъ послѣдствіями, которыя суть не иное что, какъ послѣдующія перемѣны же; или если сихъ естественныхъ слѣдствій или перемѣнъ не послѣдовало, то изобразитъ тѣ причины или обстоятельства, которыя ихъ удержали. Вотъ поприще для всякаго генія. Эта-то геніальность состоитъ въ томъ, кто съумѣетъ предметъ свой изобразить вѣрнѣе и живѣе.

Вообще, геніальныхъ твореній изъ тысячи сочиненій подобнаго рода, очень не много, да и тѣ только произведены въ одной почти Германіи. Впрочемъ, и въ этихъ кое-гдѣ иногда не достаетъ или живости, или вѣрности. Близкія къ вѣрной копіи сочиненія суть плодъ двухъ великихъ условій: а) приготовить вѣрные матеріялы, открытіе и очищеніе коихъ стóитъ утомительныхъ и продолжительныхъ изыскательныхъ трудовъ; б) владѣть въ высшей степени искуствомъ описывать короче, яснѣе и въ самомъ естественномъ порядкѣ. Тотъ величайшую сдѣлаетъ услугу наукѣ, кто совершитъ то и другое. Вотъ, кажется, вѣрная идея вѣрной, или, по крайней мѣрѣ, близкой къ подлиннику, Исторіи.

Теперь легко понять, что значитъ Исторія, или вѣрное *изображеніе* оной отъ древнѣйшихъ до нынѣшнихъ временъ. Единственная цѣль этого изображенія, этой Исторіи, есть, чтобы короче *познакомить* насъ съ прежнимъ бытіемъ народа.

Конечно, мы съ удивленіемъ знакомимся со всѣми народами, т. е., съ удовольствіемъ читаемъ вѣрное и живое описаніе Японіи и Японцевъ, или Хилійцевъ. Подобнымъ же образомъ, любопытство наше возбуждается для знакомства не только чрезъ отдаленное пространство, но и время; такимъ же образомъ, другимъ міромъ кажется для насъ и XIV или XIII столѣтія, какъ и Америка, или Новая Голландія.

Но, если любопытство вездѣ привлекательно, относительно къ чужимъ предметамъ, то, конечно, нѣтъ ничего любопытнѣе и достойнѣе вниманія, короткаго знакомства съ своимъ отечествомъ другаго міра, другаго времени. Кто бы имѣлъ столь скотское сердце, чтобы не жаждалъ знакомства съ своими отцами, дѣдами

предками,.... съ корнемъ самого себя, съ частью самого себя ??? Не желалъ бы узнать короче ихъ житье-бытье, кушанье, разговоръ, одѣяніе, образъ мыслей и проч. и проч? Если такъ, то взгляните на копіи ихъ бытія, если ихъ имѣете.

Знакомство будетъ тѣмъ короче, чѣмъ живѣе будетъ копія; но живость эту не могутъ сдѣлать самою яркою одни слова; на помощъ къ нимъ должны поспѣшить и искуства, преимущественно *живопись*, т. е., представить подлинный предметъ предъ глаза ваши, точно также, какъ и въ натуральной Исторіи, т. е., изображеніи естественныхъ предметовъ *.

Съ нѣкотораго времени стали требовать картинъ, или картинныхъ изображеній во всеобщей Исторіи. Это значитъ, что люди, наскучивъ безсвязностью между предметами или фактами всемірной Исторіи, пожелали видѣть въ ней какую-либо связь, или, лучше сказать, какой-либо общій смыслъ. Къ несчастію, изъ частей, не имѣющихъ между собою ни какой связи, нельзя составить ни смысла, ни картины. Дѣланы были, преимущественно въ Германіи, многочисленные опыты всеобщей Исторіи. Старанія писателей не стремились уже къ тому, чтобы выразить существо во всеобщей Исторіи, но изыскивали способы облегчить ея изученіе. Способы эти опять были механическіе, ибо дѣло шло только о порядкѣ, въ которомъ бы лучше представить произшествія: одни представляли въ таблицахъ, другіе подраздѣляли по столѣтіямъ, третьи на періоды, эпохи и проч., смотря по ихъ умѣнію; наконецъ, иные подраздѣляли по языкамъ, вѣроисповѣданію и проч.

Вообще, нѣтъ существенной выгоды изъ Синхронистическаго изложенія Исторіи всѣхъ странъ; ибо кромѣ того, что, большею частью, между событіями разныхъ странъ нѣтъ ни какой связи, тѣ, которые подраздѣляютъ свою исторію на періоды, при изображеніи событій всякой страны нить ихъ разсказа постоянно возвращается съ конца къ началу періода, такъ что Хронологія одного и того же періода столько разъ повторяется, сколько государствъ сочинитель предположимъ себѣ изобразить. Подобное повтореніе періода или его годовъ не мало затрудняетъ учащагося.

---

* Пропускъ.

Я замѣтилъ на опытѣ, что учащійся смѣшивалъ лѣточисленіе предшествующей главы съ Хронологіею послѣдующей.

Казалось бы, что сложеніе нѣсколькихъ, т. е., нѣсколькихъ частныхъ Исторій, въ одну книгу должно составить одно цѣлое. Конечно, одну цѣлую книгу, но не Исторію, въ которой все представляется отдѣльно и независимо одно отъ другаго; на пр., въ IX гл. описываются дѣла Англіи въ продолженіе полувѣка, а въ X дѣла Австріи, или Россіи. Если хотите знать, кáкъ составляются всеобщія Исторіи; то вотъ вамъ рецептъ:

Возьми одинъ томъ готовой, хорошей Исторіи всякаго Государства; раздѣли, вообще, время, quantum satis или ad lubitum, на періоды въ 10, 20 или 50 лѣтъ; сдѣлай экстрактъ изъ каждаго перваго тома, т. е., схвати однѣ верхушки; соедини въ одно, misce ac divide in partes aequales № столько, т. е., смѣшай, и раздѣли на столько равныхъ главъ, изъ скольких томовъ дѣланы экстракты; detur, signetur, т. е., отпусти и надпиши: *проглотить бѣдному ученику наизустъ по одной экстрактной главѣ въ день.*

Къ этому присоединяется иногда изустное замѣчаніе, чтобы ученикъ, если экстрактная глава произведетъ въ немъ тошноту, сдѣлалъ изъ нее извлеченіе. Такимъ образомъ, цѣлый первый томъ, котрый представлялъ связь и смыслъ Историческій, разбивается, при помощи всеобщихъ Исторій, на нѣсколько фактовъ безъ связи и смысла.

Теперь возьмите *всеобщую Исторію* въ трехъ *мизерабельныхъ* томикахъ, Исторію, начинающуюся съ Ноева Ковчега, и оканчивающуюся нашими временами, Исторію, въ коей, на 300 или 400 страницахъ, должны находиться Исторіи всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ! Что вы въ ней найдете! — ex omnibus aliquid, ex toto nihil, т. е., изъ всего кое-что, а вообще ничего.

Прежде, такъ называемыя, всеобщія Исторіи писывались въ 10 томовъ, нынѣ другіе разсчеты. Dix volumes, моншеръ! Morbleu, c'est une dose de cheval! Нынѣ пишутся онѣ единственно для училищъ, для дѣтскаго обиходу, а по этому, въ легкомъ объемѣ.

Нигдѣ столько не было писано всеобщихъ Исторій, какъ въ Нѣмещинѣ, ибо никто столько не прилагалъ старанія въ восни-

танiи юношества, какъ терпѣливые Нѣмцы. Нельзя не признаться, что необходимо должно познакомить юношество и съ Исторiею другихъ народовъ; но для достиженiя этого, избрали неудобной Синхронистическiй способъ такъ называемой всеобщей Исторiи, въ которой связь событiй одного народа прерывается событiями другаго.

По почему бы не составить для юношества краткiя отдѣльныя Исторiи другихъ народовъ? На 30 страницахъ можно вкратцѣ, ясно и достаточно изобразить весь ходъ Историческихъ судебъ какого-либо государства, или народа. Такiя краткiя Исторiи должны заключить въ себѣ только общiя черты, и всячески избѣгать мелочныхъ событiй, и должны быть изложены занимательно; тогда ученикъ возчувствуетъ любопытство обратиться къ источникамъ и объяснить себѣ подробнѣе тотъ или другой оборотъ въ Исторiи какого-либо народа. По этому, необходимо прилагать краткую роспись лучшимъ Историческимъ источникамъ всякой страны или народа. Составители учебныхъ Историческихъ книгъ тѣмъ болѣе не должны упускать это изъ виду, что никакой ученикъ съ учебной скамейки не выходитъ знатокомъ и мудрецомъ.

Такъ какъ краткая Исторiя одной страны, по своему объему, должна избѣгать частныхъ событiй, сопровождавшихъ какой-либо оборотъ въ судьбахъ народа, а должна заключать въ себѣ только *общiя* черты, то она то и есть *общая Исторiя* извѣстной страны; въ противномъ случаѣ, она будетъ *подробною*, *пространною*. Такимъ образомъ, одно и то же Государство имѣетъ двоякую Исторiю, *общую* и *пространную*, т. е., смотря по ея изложенiю.

Замѣчу еще, что общая Исторiя имѣетъ то преимущество, что возбуждаетъ въ читателѣ любопытство и рвенiе къ занятiю, между тѣмъ какъ Синхронистическая утомляетъ, затрудняетъ и поселяетъ отвращенiе отъ занятiя. *Общую* Исторiю составлять весьма нелегко, ибо открыть *общiя* Историческiя черты можно только по подробномъ изученiи *пространной* Исторiи. Слѣдственно, читатель легко пойметъ, сколькихъ трудовъ должно вынести тому, кто вздумалъ бы составить и соединить въ одной книжкѣ общiя Исторiи всѣхъ странъ и народовъ!

Теперь, если спросите, какъ назвать книгу, заключающую въ себѣ *общія Исторіи* разныхъ Государствъ? *Общими же*, а не *общею*, ибо всякая изъ нихъ составляетъ *особенное* цѣлое. *Общая* же Исторія можетъ заключать въ себѣ событія *общія*, если не всему человѣчеству, то, по крайней мѣрѣ, нѣсколькимъ странамъ или народамъ. Всеобщая Исторія составляется только изъ общихъ, отдѣльныхъ Исторій, т. е., выбираются изъ нихъ тѣ только черты, которыя находятся и у другихъ народовъ, т. е., которыя, по сему, составляютъ часть одного общаго цѣлаго.

Но вотъ еще новый камень преткновенія для составителей, такъ называемыхъ, всеобщихъ Исторій, а именно: такъ какъ *общую* или *всеобщую* Исторію можно составить тогда только, когда событія или, такъ называемые, факты *разбракованы*, то слѣдуетъ предварительно опредѣлить себѣ и знать, что такое *общая черта*, что *всеобщая*; какія отношенія *общей* черты къ событіямъ, ко времени, и сколько можетъ она имѣть степеней и т. д.? Я не помню, сдѣлалъ ли кто изъ Универсальныхъ Историковъ трехъ образованнѣйшихъ народовъ подобные вопросы: кажется никто. По тому-то именно и видимъ чрезмѣрное разногласіе въ, такъ называемыхъ, всеобщихъ Исторіяхъ, относительно къ выбору событій: вообще, quot capita, tot sensus, т. е., *сколько головъ, столько и голосовъ*.

Замѣтимъ, что есть двоякая категорія въ изученіи какого либо предмета: аналитическая и синтетическая. *Подробности* также относятся къ *общимъ* чертамъ, какъ и анализъ (разборъ) къ синтезу (общему составу). Такимъ образомъ, въ новѣйшее время, въ другихъ наукахъ стали отыскивать и собирать *общія черты*, изъ коихъ и составилась *общая* наука того или другаго предмета; такъ, на пр., нынѣ есть частная или пространная, есть и общая Физика. Равнымъ образомъ и въ медицинскихъ наукахъ есть подробная, есть и общая Анатомія, Физіологія, Патологія и т. д.

Къ несчастію, покамѣстъ мало думали объ общихъ чертахъ, о самой общей Исторіи: да и какъ было приниматься за нее, если никому не приходило въ голову изложить логику исторической науки, въ которой бы было опредѣлено значеніе словъ, или родовъ, на пр., какъ мы выше сказали, что такое общая черта, что всеобщая, что частная, второстепенная и проч., или какъ

можно, и какъ нельзя дѣлать историческія изысканія. Когда эта историческая логика была бы всѣмъ извѣстна, тогда не было бы такого безконечнаго разногласія не только во всеобщихъ Исторіяхъ, но и въ самыхъ Историческихъ изысканіяхъ. Не должно забывать, что большая часть человѣческихъ недоумѣній и несогласій происходитъ единственно отъ того, что каждому слову не опредѣлено его извѣстное значеніе.

Объясню мысль мою двумя, тремя примѣрами. Общія черты на пр., Русской Исторіи, какъ и всякой другой, суть тѣ явленія, которыя сопровождали народную мысль въ продолженіе одного или нѣсколькихъ столѣтій. Такъ, на пр., со временъ Владиміра Великаго до нашихъ временъ, она раздѣляется на двѣ черты: *Удѣлы* и *Государство*. Въ первомъ періодѣ, господствовала идея *личной крупной собственности* Князей, а въ послѣднемъ идея *общественной собственности* (res publica), т. е., *казенности*. Отыскать первое появленіе имущества Государственнаго и описать постепенное его развитіе до новѣйшихъ временъ, значитъ написать цѣлый томъ; тогда этотъ цѣлый томъ представитъ развитіе одной *общей черты* Русской Исторіи. Такимъ образомъ, можно и въ Государственномъ устройствѣ найти одну или двѣ общія черты. Начало, измѣненіе, развитіе Государственной механики, то же можетъ составить томъ, два; такъ, на пр., Исторія Сената въ его составѣ и дѣйствіяхъ, сама собою представитъ общую черту другаго роду. Такъ и Исторія просвѣщенія составитъ опять общее нѣчто, которое можетъ имѣть то же свои эпохи, свои періоды возрастанія и упадка.

Само собою разумѣется, что описаніе какой либо общей черты требуетъ трудовъ и изысканій, потому что общая Исторія не такъ пишется, какъ подробная или пространная. Сверхъ сего, первая представляетъ еще ту особенность, что Историкъ только въ вѣрно изображенной общей чертѣ можетъ настоящимъ образомъ оцѣнить заслуги какого либо Историческаго лица по тому или другому предмету. Такъ, на пр., я не знаю кому больше обязана Россія своимъ просвѣщеніемъ, *Петру* ли *Великому*, или *Петру Могилѣ*, Кіевскому Митрополиту. Имѣемъ свидѣтельства, что зашедшая Южная Русь (такъ называемые Малороссы) почти исключительно одни долгое время завѣдывали учеными, большею

частію Духовными, учебными мѣстами, съ самаго начала училищности въ Сѣверной Руси. Не упоминая о множествѣ штатныхъ и вольно кочевавшихъ по Сѣверу Южно-Русскихъ учителяхъ, я, въ этой бѣглой статьѣ, укажу только на трехъ главнѣйшихъ великихъ Церковныхъ учителей Россіи, Южно-Русскихъ уроженцевъ, Іерарховъ: *Θеофана Прокоповича*, *Стефана Яворскаго и Св. Димитрія Ростовскаго.* Подъ непосредственнымъ вліяніемъ подобныхъ мужей заводились, улучшались, по Сѣверной Руси, первыя школы, разумѣется Духовныя. Мы не забудемъ, что подъ подобною эгидою началъ свое ученіе и незабвенный *Ломоносовъ*, который первый подалъ мысль и хлопоталъ объ учрежденіи Московскаго Университета.

Иные изъ современныхъ писателей, взявшись судить о ходѣ просвѣщенія въ Россіи, съ гордостію указываютъ на заслуги Московскаго Университета. Каковы бы ни были этѣ заслуги, оспоривать ихъ нельзя; однако, не должно забыть, что Московскій Университетъ долгое время не имѣлъ бы ни студентовъ, ни достаточнаго числа Профессоровъ, если бы, до учрежденія его, не процвѣтали, въ нѣкоторомъ отношеніи, Духовныя училища. Всякому извѣстно, что, до не давняго времени, Дворянство не посылало дѣтей своихъ для образованія себя въ Университетѣ; ремесленное, купеческое и хлѣбопашественное сословіе не могли этого дѣлать по другимъ отношеніямъ; такимъ образомъ, значительная часть студентовъ рекрутуема была въ Духовныхъ училищахъ.

Кромѣ этого отношенія Духовныхъ училищъ къ Университету, было еще и то, что лучше всего, почти единственно, приготовлялось юношество, для Университетскаго курса, только въ духовныхъ училищахъ. Не забудемъ, что начало и первое развитіе Русской Литературы принадлежитъ Духовнымъ училищамъ; не забудемъ, что бо́льшая часть мужей, на ученость коихъ осмѣлится указать Русскій Историкъ, получили образованіе въ Духовныхъ училищахъ; не забудемъ, что бо́льшая часть и нынѣшнихъ заслуженныхъ, по части наукъ, мужей проистекаетъ изъ Духовныхъ училищъ; не стану упоминать о тѣхъ лицахъ, которыя унесли свои свѣдѣнія на поприще службы Государственной. И нынѣ еще свѣтская училищность не въ состояніи одна покрывать нужды Россіи, такъ что и доселѣ, преимущественно, Іерархія доставляетъ вѣрныхъ служителей и Алтарю, и Престолу и Наукамъ.

Такимъ образомъ, начало благодѣтельнаго вліянія Іерархіи на все государство, на весь народъ, должно быть Исторически изыскано и развито. — Если взять Сѣверную Русь XVI или XVII вѣка и сравнить съ Южною Русью, принадлежавшею тогда къ Ляхо-Летто-Русской Рѣчи Посполитой, то Южную Русь видимъ на гораздо высшей степени училищности, чѣмъ Сѣверную, ибо, тогда какъ эта послѣдняя едва имѣла еще Заиконоспасское училище, Южная имѣла уже три Академіи, *Львовскую*, *Виленскую* и *Кіевскую*, и къ этимъ народнымъ прибавьте еще *Варшавскую* и *Краковскую*. Академіи этѣ стояли, болѣе или менѣе, на степени учености, общей тогда всѣмъ Европейскимъ высшимъ училищамъ.

Правда, Южно-Русскія Академіи не приносили столькихъ литературныхъ плодовъ, какъ другія Европейскія, ибо Южная Русь имѣла свои домашнія непріятности и угнетенія. Не смотря на это, она имѣла достаточное число образованныхъ лицъ, и эта-то масса благотворно дѣйствовало на массу Сѣверную.

Къ числу условій учености Южной Руси принадлежало изученіе Латинской литературы, общей тогда всей Европѣ. Извѣстно, до какого остервенѣнія доходило на Сѣверной Руси предубѣжденіе противъ Латинизма: все, что отзывалось Латынью, въ глазахъ народа отзывалось ересью. По Судебнику Іоанна Васильевича, Царь, между прочимъ, обязывался Русь *оборонити отъ всѣхъ иновѣрныхъ Бесурманъ и Латинъ*. По свидѣтельству одного современника, въ царствованіе Кесаря Алексія Михайловича, изо всего Сѣвернаго Дворянства одинъ только Бояринъ *Лукіянъ Колосовъ* зналъ Латинскій языкъ; по этому, ему и ввѣрено было управленіе *Врачебнымъ* или *Лѣкарскимъ Приказомъ*; но, по свидѣтельству того же очевидца (Рейтенфельса), это знаніе Латинскаго языка послужило къ его гибели, но не сказываетъ какъ.. Нѣсколько разъ каѳедра Латинскаго языка въ Заиконоспасскомъ училищѣ была закрываема и открываема. Должно признаться, что Южная Русь *лбомъ, грудью пробивала* на Сѣверѣ путь къ училищности сквозь толстое, закоснѣлое предубѣжденіе, нерѣдко съ личною опасностью.

Изъ всѣхъ Южно-Русскихъ Академій болѣе прочихъ дѣйствовала на Сѣверъ Кіевская. Извѣстно, однако, что Кіевская Ака-

демія обязана своимъ возсозданіемъ *Петру Могилѣ;* изъ Могилиной школы вышли, въ послѣдствіи, Прокоповичи, Яворскіе и Димитріи Тупталы.

Какъ бы то ни было, по крайней мѣрѣ исторически извѣстно, что просвѣщеніе, въ общемъ своемъ объемѣ, во многомъ вошло въ Россію силою Петра Великаго, и не изъ Западной Европы, но изъ Южной Россіи. Конечно, заслуги Петра Великаго неоспоримы; сей Монархъ тѣмъ болѣе великимъ оказывается, что онъ много сдѣлалъ не только по части просвѣщенія, но и по другимъ отраслямъ народной жизни, т. е., въ Петрѣ Великомъ сосредоточиваются эпохи не одной, но нѣсколькихъ *общихъ чертъ* Русской Исторіи. Не смотря на это, заслуги Петра Великаго, сколь бы онѣ велики ни были, не даютъ права Историку умалчивать о заслугахъ другихъ лицъ. Я привелъ только параллель между Принцемъ *Петромъ Могилою* и *Петромъ Великимъ*; но не рѣшусь отдавать кому-либо изъ нихъ преимущество относительно черты просвѣщенія Россіи, ибо и Петръ Великій оказалъ заслуги. Отдавать преимущество тогда только можно, когда подробно оцѣнены будутъ всѣ послѣдствія и вліянія учрежденій и Петра Великаго, и Петра Могилы.

Но этого не скоро еще должно ожидать, ибо, хотя и изданы цѣлыя Вивліоѳики о дѣяніяхъ Петра Великаго, о состояніи и вліяніи Южно-Русскихъ Академій и училищъ на Сѣверную Русь почти *ни зги не писано.*

Всю эту параллель я привелъ единственно для того, чтобы показать, что *общія черты и составляемыя изъ нихъ общія исторіи, не легко пишутся и требуютъ новыхъ трудовъ и новыхъ изысканій.* Такъ, на пр., должно прежде: 1) составить и издать обстоятельную Исторію Кіевской Академіи, съ начала ея устройства, равно и другихъ учебныхъ мѣстъ Южной Руси; 2) Жизнеописанія всѣхъ лицъ, образовавшихся въ Кіевской Академіи, и бывшихъ въ послѣдствіи правителями школъ и наставниками въ Сѣверной Руси, а преимущественно въ Москвѣ; 3) Исторію развитія и распространенія по Сѣверной Руси, вообще, духовныхъ училищъ, семинарій и приходскихъ; 4) наконецъ, собрать свѣдѣнія о заслугахъ по части учебной такихъ отдѣльныхъ, которыя

могли быть полезными Россіи мимо Кіевской Академіи. Объяснимъ послѣдній пунктъ анекдотомъ.

Въ прошедшемъ столѣтіи явился на Южной Руси юноша, уроженецъ *Быстрицкаго* уѣзду, въ Трансильваніи; имя ему *Гавріилъ*. Судьба его завлекла было въ Архипелагъ и на Аѳонскую гору, гдѣ онъ имѣлъ случай отлично изучить древній Еллинскій языкъ. Прибывъ въ *Яссы*, онъ, смутными обстоятельствами той страны, приведенъ былъ въ Ново-Русской край. Въ Екатеринославлѣ и, кажется еще, въ Полтавѣ, принялъ онъ на себя трудъ учить Еллинскому языку. Тогда было въ Россіи много каѳедръ Еллинскаго языка при Университетѣ, при Академіяхъ и т. д. Это не помѣшало юному Быстрицкому пришлецу сформировать и образовать подлинныхъ знатоковъ Старо-Греческаго языка. Словомъ, онъ образовалъ Россіи отличныхъ Еллинистовъ, каковы: *Мартыновъ*, *Гнѣдичь*, *Огинскій*, *Куницкій* и другихъ, которые, впрочемъ, не принимались за перо. Труды и переводы Греческихъ классиковъ *Мартынова* и *Гнѣдича* извѣстны и памятны будутъ всей Россіи; *Огинскій*, однако, обратился на переводы съ Англійскаго; отецъ *Петръ Куницкій*, настоятель Одесскаго Собора, къ сожалѣнію, мало писалъ, но за то есть однимъ изъ главныхъ учредителей и образователей Кишиневской семинаріи. Сверхъ службы его алтарю, онъ оказалъ важныя услуги и Отечеству въ Кутузовскую Турецкую войну, находясь съ своимъ учителемъ, тогдашнимъ Митрополитомъ Молдавіи и Валахіи.

Но обратимся къ Еллинской школѣ Гавріила Быстрицкаго; труды ея извѣстны; а если Русь была бы принуждена указывать на кого-либо въ параллель съ Фоссами и съ Кузенями, то смѣло можетъ обратиться на *Мартынова* и незабвеннаго *Гнѣдича*. — Я теперь не знаю навѣрное, многихъ ли Еллинистовъ образовалъ Россіи Московскій Университетъ, въ который выписывались люди ученые ex professo. Въ сравненія я ни за что не войду, а хотѣлъ этимъ только анекдотомъ показать, что иногда дѣйствительныя заслуги и учебное вліяніе можетъ пройти мимо высокихъ училищъ, мимо мѣстъ и учрежденій ex professo; что отлично чему-либо выучиться можно и на степи Ново-Русской, или Украинской; что дѣло зависитъ не отъ строенія, а отъ

человѣка; *что только выбрать отличнаго человѣка* можетъ значить: *завести отличное училище.*

Такъ какъ человѣкъ на человѣка не похожъ, и образовательное умѣніе дано не всякому, то тѣмъ болѣе и рачительнѣе слѣдуетъ отрывать такихъ людей, каковъ былъ Быстрицкій юноша: иначе Историкъ не получитъ настоящаго понятія о развитіи и распространеніи образованности; равнымъ образомъ и не въ состояніи будетъ отдать справедливость настоящимъ заслугамъ, и припишетъ ихъ не къ своему мѣсту. Посему, онъ вспомнитъ слѣдующую руководительную истину, *что учредитель училища не все сдѣлалъ, если только выстроилъ домъ и нанялъ педагога*; что *умѣть выбрать человѣка значитъ все сдѣлать.*

Но довольно объ этой общей чертѣ.

Равнымъ образомъ, и въ другихъ отношеніяхъ народъ можетъ представлять общія черты. Такъ, на пр., Исторія воинственности или походовъ, Исторія законодательства, Исторія торговой и производительной промышленности. Кто бы подумалъ, что можно даже собрать и написать *Исторію общественной честности* (Histoire du developpement de la probité publique); что эта Исторія сама по себѣ имѣетъ свои эпохи, которыя составляютъ колоритъ въ каждомъ періодѣ народной жизни. Разныя состоянія общественной честности производили различныя явленія. Всякій народъ имѣлъ перевороты въ своей честности. Наконецъ, можно написать Исторію *моды*, Исторію всѣхъ, *пересаженныхъ въ отечество, растеній*, Исторію *хлѣбопашества*, Исторію *градскости* или развитія городовъ и мѣщанства (Historia urbanitatis) и сопряженнаго съ ней *градскаго общежитія* (de la civilité) и т. д.

И такъ, всякій народъ можетъ имѣть столько же общихъ Исторій, сколько имѣетъ и сторонъ. Если кто пожелалъ бы почерпнуть для себя поученіе въ Исторіи своего отечества, то можетъ это получить только въ полномъ изображеніи отдѣльныхъ чертъ народной жизни, а не въ пространной Хронологической Исторіи, въ которой есть *отрывки* изъ всякой отдѣльной черты, и въ коей эти отрывки разбиты по разнымъ страницамъ отрывками, принадлежащими къ другимъ общимъ чертамъ; въ которой, на пр., послѣ извѣстія о придворныхъ интригахъ, слѣдуетъ

описаніе похода безъ указанія на его послѣдствія; а тамъ возстаніе такого-то города противъ налоговъ; а тамъ постриженіе въ монахини такой-то благородной дѣвы, съ умильнымъ прибавленіемъ объ ея сердечныхъ чувствованіяхъ; а тамъ, что такой-то въ такомъ-то году запретилъ кораблямъ купцовъ такого-то народу выходить изъ гавани по поводу долговъ или контрабанды, и проч.

Таковы, такъ называемыя, Государственныя Исторіи; такова Исторія Карамзина; таковы Исторіи, большею частію, и другихъ народовъ. Правда, въ такихъ Исторіяхъ собрана, накоплена въ Хронологическомъ порядкѣ, *всякая всячина*, или всякаго роду *Синхронистическая смѣсь*, но въ такой смѣси вы не увидите продолженія *отрывковъ*, не найдете послѣдствій ни интригъ, ни похода; не усмотрите, какую пользу принесло запрещеніе на такіе-то товары. Въ послѣдующемъ царствованіи вы увидите другіе отрывки, которые, однако, едва ли согласите съ отрывками предшествующаго царствованія. О многихъ вещахъ встрѣчаются не рѣдко отрывки только черезъ 50 лѣтъ. Какое же поученіе можетъ пріобрѣсть читатель въ такой Исторіи, въ которой онъ самъ долженъ снова собирать разсѣянные, не развитые и недостаточные отрывки; въ которой самъ еще долженъ трудиться, самъ составлять для себя картину изъ отрывковъ, самъ составлять для себя нѣчто цѣлое, общее, и добиваться Историческаго смыслу? Ибо только *цѣлое можетъ представить полный смыслъ; только полная черта можетъ выразить физіономію; ея младость, возмужалость, дряхлость; только полная, общая черта можетъ показать возрастъ народа, объяснить, что онъ сдѣлалъ, и чего еще отъ него ожидать можно, съ какими препятствіями онъ боролся, борется и можетъ бороться; только знаніе общей черты можетъ предохранить отъ неправильныхъ мѣръ* (preserver des fausses mesures).

Превосходство *общей* Исторіи передъ *пространною*, въ учебномъ отношеніи, есть еще въ томъ, что въ *общей* есть единство; ибо общая преслѣдуетъ и развиваетъ, въ продолженіе всѣхъ столѣтій, одну мысль, одну черту; представляетъ ея превратности, ея судьбу; между тѣмъ какъ въ *пространной* вмѣстѣ говорится и о другихъ чертахъ народной жизни; Исторіи ихъ

на всякомъ шагу пересѣкаются, перепутываются, вниманіе развлекается и на всякомъ шагу не удовлетворяется. Поелику Исторія, какъ и всякій разсказъ, не можетъ допускать болѣе одного предмета, коего судьбу должно разсказывать (въ противномъ случаѣ, если допустить два главныя лица, или предмета, тогда можно сказать, что двѣ Исторіи, два разсказа смѣшаны, *сложены* въ одинъ), то выходитъ, что въ Исторіи *пространной*, какъ я ее доселѣ называлъ, нѣтъ *единства*. Такую Исторію должно называть *сложною;* такова Исторія Карамзина.

Въ примѣненіи того и другаго роду Исторіи къ учебному ея употребленію, или лучше сказать, соображая ту и другую вообще, со вниманіемъ читателя, на самомъ опытѣ окажется превосходство *общей* Исторіи передъ *сложною*, которое излишне было бы доказывать; ибо всякъ, по собственному своему опыту, скажетъ, что стоитъ только однажды прочесть полное развитіе (сколь бы оно пространно ни было) судебъ какой либо черты или предмета, чтобы его никогда не забыть. И дѣйствительно, трудно забыть такую Исторію, въ которой, при единствѣ главнаго предмета, все изложено ясно; въ коей все находится въ связи; проистекаетъ одно отъ другаго; въ коей все составляетъ *одно цѣлое*. Возьмите романъ, въ коемъ все сосредоточивается въ одномъ лицѣ, такъ называемомъ, героѣ романа и сравните съ другимъ, въ коемъ подробности раздѣляются между двумя героями: вы замѣтите, что даже ребенокъ, по прочтеніи, разскажетъ подробности перваго, почти не запинаясь, въ настоящемъ ихъ хронологическомъ порядкѣ; между тѣмъ какъ во второмъ будетъ путаться, упускать изъ виду многое, принужденъ будетъ припоминать себѣ многое и т. д. Вотъ почему, вообще, такіе романы не нравятся читающей публикѣ. Таково свойство единства и гармоніи или согласія не только въ Исторіи, но и во всей природѣ.

Не забудемъ что, въ общей Исторіи, какая либо черта народной жизни, на пр., идея *просвѣщенія*, олицетворяется; она должна быть героемъ романа. Объяснивъ пользу, выгоды, необходимость, спасительность просвѣщенія, читатель заинтересовывается въ судьбахъ его; онъ преслѣдуетъ съ напряженнымъ вниманіемъ всѣ тѣ мелочи, которыя способствовали къ его развитію, или съ

коими оно должно было бороться, и не прежде удовлетворяется его любопытство, какъ только дошедши до настоящаго его положенія, до его *status quo*.

Этого вовсе не бываетъ, или весьма рѣдко, въ Исторіяхъ, такъ называемыхъ, Государственныхъ, въ коихъ, въ этомъ отношеніи, т. е., въ отношеніи самомъ важномъ, господствуетъ *безначаліе* или *многоначаліе*. Вотъ почему такія Исторіи должно 30 разъ перечитывать, чтобы *изучить*, такъ сказать, *наизустъ*. Это *изученіе*, которое, само по себѣ, есть трудъ и мученіе, не есть въ природѣ вещей, ибо таковъ человѣческій умъ, что для него излишне было бы изучать что-либо разсказанное *ясно* и *связно*.

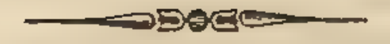
И такъ, очевидно, что Исторія Карамзина *не Исторія*, *а Временникъ*, въ коемъ собрана *всякая всячина въ Хронологическомъ порядкѣ*. Форма, по которой писалъ Карамзинъ, и писали Историки другихъ народовъ, есть таже форма *Хронографовъ* (Лѣтописей) или *Временниковъ*. Такъ какъ лѣтописи не заключаютъ въ себѣ всѣхъ источниковъ, необходимыхъ для вѣрнаго изображенія общей какой-либо черты, то первые Исторіографы, при недостаткѣ достаточныхъ матеріаловъ для созиданія цѣлаго, почти по необходимости, принуждены были придержаться формы *Лѣтописной*, для нихъ тѣмъ болѣе удобной, что она принимала всякаго роду факты и безъ связи, было бъ только это въ Хронологическомъ порядкѣ.

Что же осталось дѣлать бѣдному людскому воображенію, человѣческому вниманію въ подобныхъ Исторіяхъ? Тѣшиться, чѣмъ можетъ: отдѣльныя интриги между вельможами, царедворцами, соблазнительные анекдотцы, занимаютъ, нѣсколько, воображеніе любопытнаго. Обыкновенно, біографическіе (жизнеописательные) отрывки, сценическія изображенія, безъ начала и конца, безъ причинъ и послѣдствій, наполняютъ подобныя Исторіи.

Впрочемъ, и въ этой мишурѣ, смыслъ человѣческій не измѣняетъ своему инстинкту, своему требованію общаго, или главнаго предмета. Поелику, въ подобномъ хаосномъ состояніи, Исто-

рія представляетъ видъ драматизма общества, то воображеніе устремляется на главное лицо, на самое блестящее; вотъ почему онъ болѣе относится къ вѣнчаннымъ или повелительнымъ лицамъ; вотъ почему, болѣе всего, подобныя Лѣтописи и Исторіи наполнены отрывками изъ жизни сихъ главныхъ лицъ; вотъ почему, на пр., Исторію Государства Россійскаго можно назвать болѣе *Жизнеописаніемъ* великихъ Князей, нежели Исторіей *.

Д. Ч. Ю. Венелинъ.

* Продолженіе неотъискано.

О
временни рожденія названій:

ГРЕЧЕСКОЕ, ЛАТИНСКОЕ, НЕМЕЦКОЕ, РУССКОЕ ИЛИ ГРАЖДАНСКОЕ, СЛАВЯНСКОЕ ИЛИ ЦЕРКОВНОЕ ПИСЬМО.

Извѣстно, что носится въ народѣ общее мнѣніе относительно происхожденія Церковнаго нашего алфавита и почерка, будто они изобрѣтены *Кирилломъ*. Такъ говорили *весьма многіе*, такъ говоритъ и нынѣ еще *Г. Глаголевъ* въ своемъ умозрѣніи (Ч. II. §. 76): „Славянская азбука *изобрѣтена* только въ 863 году Философомъ *Константиномъ* (въ монашествѣ *Кирилломъ*) и братомъ его *Меѳодіемъ*, Солунскими жителями.“

Нѣтъ ничего несправедливѣе этого мнѣнія. Если кто обратитъ вниманіе на Византійскую иконографію, надписи, а преимущественно на монеты IX, X, и отчасти XI вѣковъ, то, увидя на нихъ Церковныя буквы, непремѣнно задѣнетъ охота кинуться съ жаромъ на эти священные памятники Славянской старины. Но когда прочтешь слова Греческія нашими Церковными буквами, невольно руки опустишь. Разовъ съ пятокъ обжегся я подобнымъ образомъ надъ монетами, за Дунаемъ. Изъ этого выходитъ, что Греки, въ IX, X и отчасти XI столѣтіяхъ, писали тѣмъ же самымъ Уставнымъ почеркомъ, которымъ писали и Русскіе до Петра Вел. и которымъ и доселѣ печатаются наши Церковныя книги. Палеографія доставитъ этому кучу примѣровъ всякому любопытному.

И такъ, Кириллъ и Меѳодій точно также изобрѣли Греческій шрифтъ IX вѣка (принятый и Болгарами), какъ и мой Силистрійскій молодой сидѣлецъ * изобрѣлъ нынѣшній Греческій курсивный шрифтъ. Больше нечего сказать, какъ только то, что въ *одно и тоже* время съ Кирилломъ и Меѳодіемъ стали писать Греческимъ уставомъ разные Болгаре, какъ и нынѣ, вмѣстѣ съ моимъ сидѣльцемъ, стали писать множество Болгаръ новымъ Греческимъ шрифтомъ по разнымъ мѣстамъ;—потому что Кирилловы Болгаре находились точно въ тѣхъ же обстоятельствахъ, какъ и мой Силистрійскій сидѣлецъ съ своими соучениками.

Но умные люди возразятъ:

За то Кириллъ изобрѣлъ буквы, необходимыя для Славянскаго выговора, на пр., *ж*, *б*, *ш*, *щ*, *ч*, *ц*, *ы*, *я*, *ю*, *ъ*, и т. д., потому что этихъ звуковъ нѣтъ въ Греческомъ языкѣ.

На это скажемъ, что эти буквы (кромѣ сложныхъ *щ*, *ы*, *я*, *ю*) не *изобрѣтены*, не выдуманы, а просто взяты изъ *древле-Славянскаго* Алфавита, который нынѣ называютъ Глаголическимъ. Кромѣ сего рукописи Кирилла никто не видалъ, потому что она не дошла до насъ. Слѣдовательно, отдѣлаемся *на двое* (дилеммою): а) Если Кириллъ уже употребилъ этѣ фигуры, то все таки онѣ *не его выдумка*; б) такъ какъ его рукописи никто не видалъ, то опять не слѣдуетъ сказать, что этѣ фигуры его выдумка. Это могли устроить его послѣдователи тѣмъ вѣроятнѣе, что самая древняя рукопись нашими Церковными буквами довольно далече отстоитъ отъ его времени.

Какъ бы то ни было, но мнѣ негдѣ говорить объ этакомъ важномъ предметѣ въ бѣдной выноскѣ;—по этому я *долгъ оставляю за собою.* **

в) *Сказка* (или лучше *выраженіе*), что Кириллъ *изобрѣлъ Славянскія письмена*, принадлежитъ къ мнѣніямъ *позднѣйшимъ*, *новѣйшимъ*.

Я спрошу васъ: положимъ, что мой Силистрійскій сидѣлецъ сдѣлалъ бы себѣ въ Болгарской литературѣ значительное имя,

---

* См. статью Ю. И. *Венелина*, о зародышѣ новой Болгарской литтературы. М. 1838, стр. 18. *М.*

** См. *Венелина* Историч. Изыск. Т. II., стр. 161. *М.*

пишучи все Греческими буквами, то уже ли кто-либо скажетъ, что онъ изобрѣлъ эти буквы?? Да уже ли гдѣ-либо въ Швеціи, Богеміи, Польшѣ, тѣхъ мужей, которые первые начали писать Латинскими буквами, объявлялъ кто-либо изобрѣтателями Латинскаго Алфавита?? Точно также и Кирилла, въ IX, X и XI вѣкѣ, никто не могъ объявить изобрѣтателемъ буквъ, которыя употребляли не только въ Болгаріи, но и по всѣмъ монастырямъ Греціи. Мысль объ *изобрѣтеніи* менѣе всего могла вылиться изъ головы Славянъ Задунайскихъ въ IX, X и XI вѣкахъ, пото именно, что никто такъ не былъ знакомъ и съ Греческимъ уставнымъ шрифтомъ, какъ они, и, слѣдовательно, никто такъ далекъ не былъ отъ мысли изобрѣтенія, какъ они.

Мысль объ *изобрѣтеніи* могла родиться тогда только, когда Болгаре и Греки отдѣлились одни отъ другихъ въ своемъ почеркѣ. Болгаре удержали на всегда *ломанный уставный* почеркъ (literas fractas) Греческаго Алфавита IX и X вѣковъ, а Греки, между тѣмъ, въ XII, XIII, XIV столѣтіяхъ, переходили къ *скорописи*.

Странными какими-то судьбами, IX, X и большая часть XI столѣтія были самые темные вѣка не только для Европы, но и для всей Византійской Имперіи. Съ 800 по начало XII вѣка писалъ въ сей Имперіи почти одинъ только Императоръ *Константинъ Багрянородный*, около 950 годовъ. Остальное *писачество* состояло въ переписываніи, по монастырямъ, *уставомъ* и *полууставомъ*, Богослужебныхъ книгъ. Писать *уставомъ* значитъ писать такъ, какъ подписался однажды подъ диктовку одинъ Козакъ: *полукружокъ* вышло С; *палку, опять палку, еще палку, сверху перекладина*, и вышло Ш; *палку, и еще палку, въ срединѣ перекладину*, и вышло Н; *палку, и еще палку, вверху перекладину*, и вышло П; *кружокъ*, и вышло О. и проч.

Если Греческій Алфавитъ, съ 800 по 1100 г., прошелъ, такъ сказать, *подъ палками*, то тоже самое случилось въ западной Европѣ, въ эти годы, и съ Римскимъ. Римляне, приближаясь ко временамъ Цицерона, цѣликомъ приняли Греческій Алфавитъ на мѣсто Этрусскаго, на которомъ писали не только они, но и вся Европа (Этрусскій былъ совершенно отличенъ отъ Греческаго). Проходя *темные вѣка* подъ палками, этотъ *круглый*, Цицероновскій, Алфавитъ очутился въ видѣ буквъ *углоeатыхъ* Церковныхъ. Это, *такъ называемый*, Нѣмецкій Алфавитъ. На немъ писаны во всей западной Европѣ, по монастырямъ, не только Богослужебныя

и Богословскія сочиненія, но и лѣтописи; слѣдовательно, его можно назвать и Испанскимъ, Французскимъ, Италіанскимъ.

Наконецъ, когда наступилъ XII вѣкъ, то не только въ Византіи явились писатели: Цесаревна *Анна Комнина*, супругъ ея, *Никифоръ Вріенній*, ученый *Киннамъ*, монахъ *Кедринъ*, и разные другіе, но и въ Россіи *Несторъ*, у Нѣмцовъ *Адамъ Бременскій*, и другія лѣтописи по монастырямъ; у Чеховъ *Козьма Пражскій* и проч.

Крестовые походы разшевелили Европу и Востокъ; множество новыхъ событій подстрекали и распространяли *писачество*. Такимъ образомъ, въ продолженіе послѣдующихъ столѣтій, алфавитъ какъ Восточной, такъ и Западной, Церкви изъ *устава* переходилъ въ *полуставъ*, изъ полуустава въ *курсивъ*, изъ курсива въ *скоропись*.

Между тѣмъ, *полууставъ* и *курсивъ* одного и того же алфавита у двухъ разныхъ народовъ, Грековъ и Болгаръ (Сербовъ и Россіянъ) такъ *разрознился* въ формахъ, что съ виду примешь ихъ за два разные алфавита, точно также, какъ и курсивы Латинскій и Нѣмецкій Цицероновскаго.

Наконецъ, настало время изобрѣтенія книгопечатанія. Такъ какъ первая цѣль изобрѣтателей была распространеніе экземпляровъ Латинской Библіи, то выливали буквы въ такихъ фигурахъ, какими она была писана, а именно *палочнымъ уставомъ*; а вскорѣ стали имъ печатать и другія Богословскія Латинскія книги, не только въ Германіи, но и въ Испаніи, Италіи, Франціи.

Между тѣмъ, въ Италіи давно уже, послѣ столькихъ вѣковъ темноты и униженія, проснулся духъ патріотическій (въ XIV и XV вѣкахъ); бросились на старый Римъ и на памятники его славы. Стали откапывать и воскрешать его мертвый языкъ; кинулись на надписи памятниковъ и проч., и, такимъ образомъ, получили свое начало двѣ науки — *Филологія* и *Археографія*. Наконецъ, къ великому облегченію Италіанскихъ Филологовъ и Археологовъ послужило изобрѣтеніе книгопечатанія, и къ успѣхамъ обѣихъ этѣхъ наукъ. Но и наоборотъ, эта страсть къ старинѣ причинила весьма ощутительное измѣненіе въ шрифтѣ типографскомъ. Одинъ изъ ученыхъ любителей старины, *Manutius Aldus*, поселившись въ Венеціи, завелъ типографію. Наглядѣвшись по всей Италіи многихъ Римскихъ надписей, и надивившись изящности ихъ шрифта, онъ вздумалъ вылить изъ свинца совершенно подобный шрифтъ, для *прописныхъ*, а для *строчныхъ* выгладилъ

подъ ихъ фигуру *угловатый палочный уставъ.* Такимъ образомъ составился новый типографскій шрифтъ, который онъ назвалъ *Antiquae*, а мы называемъ Латинскимъ, между тѣмъ какъ прежній уставный съ тѣхъ поръ стали называть *Monachales*, т. е., монашескимъ или церковнымъ.

Вскорѣ *Antiquae* приняты по всей Италіи, Франціи и Испаніи, а изъ сей въ ея Нидерландахъ и Англіи, наконецъ въ Польшѣ. Богемія приняла только въ XIX вѣкѣ, такъ что одни Нѣмцы остались при первыхъ *monachales*, которыя, съ недавняго времени, называются уже и Нѣмецкимъ шрифтомъ, такъ какъ употребляются одними только Нѣмцами.

Подобному перевороту подвергнулся и у Славянскихъ племенъ Греческій уставный шрифтъ. Стараніемъ и иждивеніемъ Волошскихъ Господарей Болгарской Династіи приготовлены матрицы по образцу рукописей, писанныхъ самымъ полнымъ уставомъ, и, такимъ образомъ, образовался и у Славянскихъ племенъ типографскій шрифтъ, удержавшш весь характеръ IX и X вѣковъ.

Извѣстно, однако, что въ послѣдствіи Голландцы внушили Петру Великому *округлить* этотъ *угловатый* уставъ по способу и образцу *Антиквовъ* Мануція Алда. Такимъ образомъ и у насъ образовались *Antiquae* и *Monachales*, которыя, однако, мы переводимъ словами: *Гражданскія* и *Церковныя.* Первыя, кромѣ Россіи, приняты и въ Сербіи, а послѣднія удержала Русская Церковь, Молдаване, Волохи, Болгаре и Русаки въ Венгріи.

Я забылъ сдѣлать одно замѣчаніе, а именно, что первые образователи типографскаго шрифта могли избѣгнуть *уставъ* и *полууставъ*, и, наоборотъ выбрать *курсивъ* или же *скоропись*, какъ, на пр., это дѣлали образователи Армянскаго, Грузинскаго, Персидскаго, Арабскаго, Монгольскаго типографскаго шрифта. — Но почему и они этого не сдѣлали? — Потому что курсивъ и скоропись не такъ постоянны въ своихъ фигурахъ, какъ уставъ; притомъ же, въ подобныхъ рукописяхъ буквы бываютъ связаны между собою, слѣдовательно въ первую эпоху типографскаго искуства, въ которомъ всякая буква создана на особой палочкѣ, весьма трудно бы выполнить эту связь. По этой причинѣ и другимъ еще, предпочли первые мастера *крупный*, *понятный*, и не связный, *стоячій* уставъ. Притомъ же, начали печатать сперва Священныя и Богослужебныя книги, которыя нарочно писались уставомъ, чтобы всякому облегчить ихъ чтеніе.

Но скажете, почему Греческій типографскій шрифтъ взятъ не съ уставу или полууставу, а съ курсиву и скорописи? Причиною этому былъ тотъ же *Алдъ Мануцій.* Онъ рѣшился учредить и Греческую типографію; но 1) для сообщенія Филологіи, онъ не имѣлъ нужды въ Греческихъ Богослужебныхъ книгахъ, а въ древнихъ и среднихъ литераторахъ; 2) литераторы эти дошли до него въ новѣйшихъ спискахъ по послѣднему курсиву и скорописи; 3) онъ, будучи не въ Греціи, не видалъ образцовъ Греческаго Богослужебнаго уставнаго шрифта. По сей-то причинѣ онъ и былъ вынужденъ составить Греческій типографскій шрифтъ по находившимся подъ руками его рукописнымъ образцамъ, не *стоячій, палочный,* но *наклоненный, скорописный, связанный.* Замѣтьте, что въ старыхъ изданіяхъ по нѣскольку буквъ *связано*, т. е., вмѣстѣ вырѣзано въ связи на одной палочкѣ. Только въ новѣйшія времена стали вырѣзать всякую букву порознь на особыхъ палочкахъ, такъ что изъ типографской *скорописи* образовался *курсивъ.* Форму же прописныхъ Мануцій снялъ съ древнихъ Греческихъ надписей на камняхъ или на монетахъ, которыхъ много онъ могъ видѣть въ Италіи.

Теперь, раскройте передъ собой Греческую, Латинскую, Нѣмецкую, Русскую и Русско-Церковную печатную книгу, и сравните эти разные шрифты одного и того же алфавита и отмѣтьте то ощущеніе, которое произойдетъ въ васъ отъ разницы во впечатлѣніяхъ, производимыхъ этими шрифтами.

Но обратимся къ настоящей цѣли этой выноски, къ названіямъ этихъ шрифтовъ, употребляемымъ въ просторѣчіи, т. е., къ словамъ: буквы или шрифтъ *Греческій*, *Латинскій*, *Нѣмецкій*, *Русскій* или *Гражданскій*, *Славянскій* или *Церковный*, а именно къ эпохѣ *рожденія* этихъ словъ, потому что въ *искуствѣ повѣрять акты и дипломы* (т. е., Критической Прагматикѣ) необходимо знать время *рожденія словъ.*

И такъ, слово: *буквы Церковныя*, какъ всякому извѣстно, не старѣе 100 лѣтъ; оно пошло въ ходъ съ тѣхъ только поръ, съ коихъ пошелъ въ ходъ и Гражданскій шрифтъ, для отличенія стараго отъ сего послѣдняго.

Слово: *Нѣмецкія буквы*, тоже не очень давнее, потому что тогда, когда этимъ *ломаннымъ монашескимъ* уставомъ писали и печатали Испанцы, Французы, Англичане, Италіанцы, Нѣмцы,

Шведы и Славянскіе племена Западной Церкви, слово Нѣмецкія буквы не имѣло бы никакого значенія. Впрочемъ, и въ то время, когда Италія, Франція, Испанія, Англія, Нидерланды и Ляхи оставили эти ломанныя и принялись за *круглыя*, Римскія, и въ то время, говорю я, ихъ не называли Нѣмецкими а просто *ломаными* (*Monachales*, *literae fractae*, *Fractur-Buchstaben*). Названіе *Нѣмецкихъ* стали носить онѣ съ новѣйшихъ временъ, съ которыхъ онѣ употребляются почти исключительно одними Нѣмцами.

Если взять слово *Славянскій*, то оно относительно своего происхожденія, находится въ одной и той же аналогіи со словомъ *Нѣмецкій*, или съ Русскимъ *Церковный*, т. е., что рожденіе выраженія *Славянскія буквы* могло произойти только въ то время, когда *угловатый уставъ* всей Восточной Церкви сталъ у Грековъ принимать другой видъ, другія формы отъ усиленнаго у нихъ *писачества*. Тогда, конечно, по раздѣленіи *одного* на *два*, родилась необходимость въ новомъ имени; тогда, говорю я, *угловатый Греческій* уставъ, нашедшій прибѣжище и поддержку у Болгаръ, Венгровъ и Россіянъ, могъ принять названіе *Славянскаго* (точно такъ же, какъ и *ломаный* западный, родившійся въ монастыряхъ Испаніи и Франціи а по обращеніи Франками Нѣмецкихъ племенъ, перешедшій и къ Нѣмцамъ—*Нѣмецкимъ*), для отличенія его отъ *Ново-Греческаго*. Но это время рожденія слова: *Славянскія буквы* не можетъ выходить далѣе *начала* XII вѣка, хотя, впрочемъ, Греческая иконографія XII и XIII вѣковъ носитъ еще на себѣ всю печать буквъ, такъ называемыхъ, Церковныхъ.

Выраженіе: *Греческій шрифтъ* имѣетъ двоякое значеніе, *общее* и *частное*. Если понимать подъ именемъ *Греческій*, вообще, шрифтъ, употреблявшійся Греками во всѣ столѣтія ихъ существованія, какой бы онъ, впрочемъ, ни былъ, то это будетъ *общее* значеніе, потому что въ немъ таятся разные *почерки* разныхъ столѣтій. Посему, это слово не йдетъ къ нашему предмету, какъ неопредѣленное и можетъ быть употреблено только въ Исторіи *измѣненій шрифта у Грековъ*.

Нынѣ же употребляемое выраженіе *Греческій шрифтъ* означаетъ только *почеркъ* Греческой *скорописи* новѣйшихъ (XIII, XIV или XV) столѣтій, съ которой *Алдъ Мануцій* составлялъ типографской алфавитъ для Греческихъ сочиненій. Такъ какъ этотъ *скорописный* почеркъ этихъ столѣтій далеко ушелъ отъ *угловато-уставнаго* почерка Восточной Церкви (Греко-Болгарской) IX и

X вѣковъ, то выраженіе *Греческій почеркъ* родилось только съ того времени, какъ *Алдъ Мануцій* и его преемники распространили по Европѣ о немъ понятіе въ тысячахъ своихъ печатныхъ экземпляровъ.

Такимъ образомъ, шрифтъ, общій Грекамъ и Болгарамъ въ IX, X и XI столѣтіяхъ, раздѣлившись въ почеркѣ въ XII, XIII и XIV вѣкахъ, въ эти столѣтія могъ потребовать для себя уже *два* названія: *Греческаго* и *Славянскаго*, но не прежде; точно такъ же, какъ и *ломаный монашескій* на Западѣ, не могъ быть названъ *Нѣмецкимъ*, пока былъ общимъ и у прочихъ народовъ Запада.

Слѣдовательно, выраженіе *Славянскія буквы* до XII вѣка было *не нужно, не естественно, не возможно.*

Но мнѣ сдѣлаютъ возраженіе, что въ одной изъ Буллъ Папы Іоанна VIII (на которыхъ съ такимъ жаромъ опирается Шлёцеръ въ своемъ Несторѣ, часть II) къ Велико-Моравскому Князю *Святополку* отъ 880 году, между прочимъ, говорится: „Literas denique *slavicas*, a Constantino quodam repertas, quibus Deo laudes debitas resonent, jure laudamus, et ut in eadem lingua Christi Dei nostri proeconia et opera enarrentur, jubemus,“ и проч., то есть „Наконецъ, *Славянскія* письмена, *изобрѣтенныя* нѣкіимъ философомъ Константиномъ, которыми воспѣваютъ должныя Богу похвалы, по справедливости *похваляемъ* и *повелѣваемъ*, чтобы на *ономъ языкѣ* говорились проповѣди и возвѣщались дѣла Христа Бога нашего.“ и проч.

На это скажемъ, что это самое показываетъ и доказываетъ, что приписываемыя папѣ Іоанну VIII булы *сочинены въ XIV столѣтіи*, т. е., что онѣ *подложны.*

1) Выраженіе *Славянскія письмена* есть явный анахронизмъ, ибо противурѣчитъ обстоятельствамъ Палеографіи.

2) Выраженіе *изобрѣтены* заключаетъ въ себѣ явную *ложь.*

3) Употребленіе слова *Slavi, Slavicas*, въ общемъ значеніи, не старѣе XII вѣка, съ котораго Несторъ и Адамъ Бременскій стали подводить подъ это слово всѣ Славянскія племена. И такъ булла употребляетъ это слово или въ *общемъ* или въ *частномъ* смыслѣ. Если въ *общемъ*, то это будетъ анахронизмъ, который показываетъ, что булла сочинена послѣ XII столѣтія. Кромѣ сего, не заключаетъ въ себѣ ни какого смыслу, потому что иныя племена (Западныя) писали Латинскимъ ломанымъ шрифтомъ, другія Глаголическимъ, третьи Греческимъ. Какія же письмена булла

называетъ Славянскими?! — Если же въ *частномъ*, т. е., въ смыслѣ того племени, которое само себя называло *Словенцами*, тогда булла говорила бы о жителяхъ Штиріи, Каринтіи, о Далматинцахъ (ихъ только и называли какъ Византійцы! такъ и Италія словомъ Sthlaveni, Sclavini, и т. п.,) : но эти Словенцы имѣли свой *отдѣльный* Алфавитъ, такъ называемый, Глаголическій, и доселѣ еще сохранившійся въ Далмаціи. Но въ этомъ случаѣ не будетъ смыслу въ словахъ буллы, *Глаголическій* ли или нашъ *Церковный* подразумѣваетъ она. Но булла говоритъ о Константинѣ (въ монахахъ *Кириллѣ*), изобрѣтателѣ, слѣдовательно, она говоритъ о Болгарахъ. Но опять нѣтъ смыслу, потому что не извѣстно, въ какомъ значеніи *Греческій* Алфавитъ, принятый Болгарами, она величаетъ *Славянскимъ!!!* Изъ этого явно выходитъ на повѣрку, что булла завралась *анахронически*, т. е., по понятіямъ, принадлежащимъ только XIV вѣку.

4) Булла совершенно противурѣчитъ историческимъ обстоятельствамъ и политическимъ отношеніямъ IX вѣка. Въ это время, области, зависѣвшія отъ Болгарскаго Правительства (имѣвшаго свое мѣстопребываніе въ *Великой Преславѣ*, что нынѣ называется по Турецки *Эски-Стамбулъ*, т. е., старый Цариградъ или столица, въ *Балканахъ*), въ Венгріи простирались до самыхъ Карпатовъ, въ Россіи по предѣлы Смоленской области и по Вятку. Къ Востоку это же правительство владѣло Сербіею и Кроаціею; а За-Дунайская Венгрія и Штирія зависѣли отъ него на феодальномъ отношеніи. Къ Югу владѣла она половиною Ѳракіи и Македоніи. По свидѣтельству Византійцевъ тогдашняго времени, Византійская половина Ѳракіи и Македоніи была заселена тоже Болгарами, какъ и нынѣ, потому-то окрестности Салоникскія не разъ слыли *Скиѳіею*.

Эту обширную монархію въ VII и VIII столѣтіяхъ Византійцы называли *Болгарами* (а въ сущности, по большинству ея народонаселенія, слѣдовало называть *Русью*), а Западные *Абарами* (Обрами). Я уже доказалъ (см. мое соч. *Скандинавоманія и ея поклонники*. Москва 1836 стр. 86—90), что *Obr* на языкѣ Германскихъ Славянъ значитъ, просто *великанъ*, и что оно не есть настоящее имя народа.

Замѣтъ же хорошо. Повелитель этой Монархіи, *Крумъ* (собственно *Крунъ*) семь лѣтъ воевалъ съ Карломъ Великимъ за Словенію. Наконецъ, Франки побѣдили, и По-Дунайская Словенія причислена къ Франкской державѣ. Баварскимъ Фирштамъ по-

велѣно было учредить (или лучше стеречь) пограничную крѣпость (что нынѣ *Вѣна*). Война эта съ *Крумомъ* на языкѣ Западныхъ писателей называется *Абарской* (Bellum contra *Habares*, *Avares*).

Вскорѣ, этотъ же самый *Крумъ* затѣялъ войну съ Византійцами; нѣсколько разъ осаждалъ Цариградъ безуспѣшно въ началѣ IX вѣка и, наконецъ, собираясь въ походъ и отправивъ впередъ 5,000 телѣгъ со стѣнобитными орудіями, занемогъ отъ простуды и внезапно скончался въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ. Смерть его подозрительна. Эту войну съ Крумомъ Византійцы называютъ войною съ Болгарами. Слѣдовательно, *Авары* (Обры) и *Болгаре* одно и тоже.

Крумъ имѣлъ мысль, въ родѣ мысли Петра Великаго, устроить столицу на морѣ; для этого онъ перевелъ Дворъ свой изъ Преславы въ Анхіалъ. Во время войны и въ его и сыновей его отсутствіе изъ Анхіала, Византійская эскадра сдѣлала вылазку на Анхіалъ, ограбила казну и увезла малолѣтнюю дочь его, какъ разсказываютъ современники. Между тѣмъ, Крумъ во все свое царствованіе слылъ гонителемъ на тайно-обращенныхъ Болгаръ.

Братъ его, *Драгъ*, царствовалъ не долго (замѣчательно что наслѣдство у Болгаръ, какъ и на Руси, переходило не на дѣтей, а на дядей). *Драгъ* тоже отличался гоненіемъ на новыхъ Болгарскихъ Христіанъ. Умеръ скоропостижно.

Послѣ *Драга* вступилъ на престолъ старшій сынъ Крума, *Владиміръ I*. Онъ былъ мягокъ, не велъ войнъ, ѣздилъ путешествовать въ предѣлы Византіи, былъ въ Солоникѣ, гдѣ, между прочимъ, онъ, язычникъ, посѣтилъ Христіанско-Болгарское училище. Возвратившись, онъ, не задолго спустя, внезапно скончался. Подозрѣніе падаетъ на языческихъ патріотовъ.

Послѣ него вступилъ на престолъ братъ его, *Борисъ* (собственно Боричь), тоже душа миролюбивая. Въ это время Цареградцы стали заниматься пропагандизмомъ, подъ покровительствомъ благочестивой Императрицы, Ѳеодоры. Сама она, несчастная мать, въ развратномъ сынѣ Михаила, лелѣяла высокую плѣнницу, Архипринцессу Кіевскую, Черниговскую, Рязанскую, Офенскую, Трансилванскую, Анхіальскую, Филиппопольскую: она ее крестила и воспитала въ ученіи Христіанскомъ.

По возшествіи Борисовомъ на Престолъ, начались переговоры о продолженіи мира. Со стороны Бориса, между прочими, было условійце, *возвратить милую сестрицу*.

Ѳеодора не могла не согласиться на требованіе, но, чтобы питомица ея не осталась безъ духовнаго стража, то рѣшились въ Цариградѣ отправить съ нею духовника въ страну языческую. Зная народную ненависть Болгаръ къ Грекамъ, опасались послать съ нею Грека, который произвелъ бы подозрѣніе на счетъ Княжны и Двора, боялись тоже отправить въ клобукѣ. Затрудненіе устранилось тѣмъ, что отыскали въ Цариградѣ монаха, родомъ изъ Болгаръ, а ремесломъ живописца, именемъ *Меѳодія*. Его переодѣли, т. е., сняли только клобукъ, и надѣли шапку, и Меѳодій сдѣлался міряниномъ, и отпустили его въ званіи живописца Ея Высочества. Грека было опасно послать, потому что навлекъ бы подозрѣніе и ропотъ на Княжну, при общей ненависти къ Грекамъ. Меѳодій пробылъ около 15 лѣтъ при Дворѣ Царя Бориса въ званіи живописца, а тайно бывши духовникомъ Царевны. Любовь къ сестрѣ, мягкость и доброта характера, вѣротерпимость Царя Бориса, не только развязали руки Меѳодію, но и позволили свободнѣе дышать Болгарамъ, тайно исповѣдывавшимъ Христіанскую вѣру, преимущественно въ областяхъ Забалканскихъ.

Подробности придворной жизни Меѳодія, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстны: однако, намъ извѣстны ея послѣдствія, а именно: крещеніе Двора и отмѣнная образованность и ученость младшаго Борисова сына *Владиміра* (старшій сынъ, *Пружанъ*, не хотѣлъ ни креститься, ни учиться).

Византійцы утверждаютъ, что слѣдующее обстоятельство ускорило крещеніе Бориса. Меѳодій написалъ большую картину, на которой отлично былъ изображенъ *Страшный судъ*, и осужденіе грѣшниковъ и *язычниковъ* на вѣчныя муки. Эта картина такъ подѣйствовала на Царя, что рѣшился креститься. Заочнымъ воспріемникомъ былъ Императоръ Михаилъ; по этой причинѣ и Борисъ въ крещеніи принялъ имя *Михаила*, а сынъ его, Владиміръ, имя *Симеона*, подъ которымъ онъ, большею частію, и извѣстенъ у Византійцевъ, какъ именемъ не языческимъ. Въ Іоаннѣ, Экзархѣ Болгарскомъ, о немъ говорится, что самъ многое переводилъ на Болгарскій языкъ и что путешествовалъ по Греціи. По вступленіи на престолъ, онъ былъ изъ величайшихъ монарховъ и людей своего времени во всей Европѣ: нѣсколько разъ безуспѣшно громилъ Цариградъ (одинъ разъ вмѣстѣ съ *Олегомъ*); отправлялъ посольства къ Арабскому Халифу о союзѣ противъ Грековъ; Халифъ отплатилъ ему посольствомъ, которое въ 921 году и

прибыло, и члену котораго, *Ибнъ-Фоцлану*, мы обязаны за прекрасныя извѣстія о жителяхъ По-Волжскихъ того времени.

Какъ бы то ни было, но во Владимірѣ II-мъ видѣнъ трудъ Св. Меѳодія, точно такъ же, какъ въ Эпаминондѣ трудъ Пиѳагорейца, въ Александрѣ Великомъ трудъ Аристотеля въ Сципіонѣ трудъ Поливія, въ Фридрихѣ II вліяніе Вольтера.

Крещеніе Болгарскаго Двора совершилось почти въ томъ же году, въ которомъ Рюрикъ прибылъ въ Новгородъ. Болгарскіе патріоты и приверженцы *Перуна* и *Лады* возмутились такъ, что только около 870 году удалось Двору угомонить недовольныхъ.

Во время этого труднаго времени, Меѳодій вызвалъ къ себѣ изъ Салоники брата, Константина, и другихъ Болгаръ Христіанъ. Константинъ постригся и принялъ имя *Кирилла*. Съ тѣхъ поръ подвизались они на поприщѣ Апостольскомъ.

Вотъ вкратцѣ все то, что извѣстно отъ современныхъ *Византійцевъ*.

Источники Болгарскіе ежедневно *закапываются*, какъ доказалъ намъ, съ прискорбіемъ отецъ Неофитъ *.

Относительно извѣстія Несторова я въ недоумѣніи.

Теперь обратимся къ булламъ, приписываемымъ Іоанну VIII и къ Латинскимъ Легендамъ.

И такъ: ничто такъ не выражаетъ подложности буллъ, какъ его повелительный тонъ. Въ буллѣ къ Меѳодію, будто отъ 879 году, между прочимъ, сказано: „Доходитъ до свѣдѣнія нашего, что ты учишь не тому, чему Св. Римская Церковь проповѣдуетъ, а вводишь народъ въ заблужденіе. Почему, симъ Апостольскимъ нашимъ посланіемъ, *повелѣваемъ* тебѣ, отложивъ все немедленно, явиться къ намъ, дабы . . .“ и проч. Ниже: „Мы слышали также, что ты поешь литургію на *варварскомъ языкѣ*; почему, посланіемъ нашимъ *запретили мы тебѣ* пѣть литургію на семъ языкѣ,“ и проч.

Жалкіе выдумщики этой буллы XIV или XV вѣка, не сообразили, что Папа Іоаннъ VIII могъ запрещать или позволять Меѳодію служить по-Болгарски точно такъ же, какъ и нынѣшній Папа, въ 1836 году, можетъ позволять или запрещать служить по-Славянски Ново-учрежденному Греко-Россійскому Архіерею въ Варшавѣ, и что точно также могъ требовать къ себѣ Меѳодія

---

* См. *Венелина:* о Зародышѣ новой Болгарской литтературы. Кн. I. Москва, 1838, стр. 33, 41, 42. и проч. *М.*

отъ Двора Болгарскаго, какъ и нынѣшній Папа можетъ вызывать къ себѣ на отвѣтъ духовника Россійскаго Императора!!!

Это явное противорѣчіе буллы политическимъ обстоятельствамъ IX вѣка показываетъ, что она состряпана въ XIV или XV вѣкѣ. Этотъ тонъ *повелительный* не существовалъ еще въ IX вѣкѣ; онъ родился только со времени Григорія VII, т. е., съ половины XI вѣка. Этотъ *повелительный* тонъ явиться на судъ принадлежитъ вѣку *Іоанна Гусинецкаго* и *Мартына Лютера.*

5) Есть еще въ буллахъ, приписываемыхъ Іоанну VIII, и другія *поздненькія* выраженія, на прим.: „что ты учишь не тому, чему *Святая Римская Церковь.*"

Чтобъ это понять, нужно небольшое *предисловійце.*

Извѣстно, что первый Никейскій Вселенскій Соборъ созванъ былъ противъ Арія.

Тамъ установленъ Символъ Вѣры, въ который, на Константинопольскомъ Вселенскомъ Соборѣ, вставлены были нѣкоторыя пояснительныя слова. На Ефесскомъ Вселенскомъ, чтобъ предохранить текстъ Символа отъ измѣненій и разныхъ толковъ, постановлено было запретить *самомалѣйшее* измѣненіе въ текстѣ Символа, установленнаго Св. Отцами въ Никеѣ. То же подтверждаетъ и Св. Кириллъ, бывшій на семъ Соборѣ, въ письмѣ къ Іоан., Патр. Антіох., гдѣ говоритъ: „*И не только себѣ, но и никому другому не позволено измѣнять въ Символѣ ни малѣйшаго словца, не выкидывать или прибавлять ни малѣйшей буквы, памятуя слова рекшаго: Не сдвигай придѣла* (межи), *поставленнаго Отцами твоими.*" На седьмомъ Соборѣ, послѣ прочтенія Символа, всѣ единодушно вскричали: „*Мы хранимъ постановленное Св. Отцами; мы тѣхъ, которые что либо прибавятъ, или убавятъ, предаемъ анаѳемѣ.*" равно и Папа (лучше, сказать Архіепископъ), *Вигилій*, въ письмѣ къ *Евтихію*, Патр. Цареград., предаетъ анаѳемѣ *всякаго, кто дерзнетъ учить тому, чего нѣтъ въ Никейскомъ и Константинопольскомъ Символахъ.*"

Соборы *Вселенскими* назывались потому, что на нихъ съѣзжались духовные депутаты со всего Христіанскаго міра и отъ всѣхъ народовъ. Только эти собранія *Вселенскія* имѣли право рѣшать и пояснять всѣ затрудненія въ дѣлахъ Вѣры. Собраніе духовенства какой-либо одной страны, у себя дома, на пр., Армянскаго въ Арменіи, или Испанскаго въ Испаніи, не имѣло никакой власти и силы въ догматахъ Христіанскаго вѣрованія.

И такъ, анаѳема, объявленная депутами всего Христіанства противъ измѣнителей Символа Вѣры, относится не только къ этимъ провинціальнымъ собраніямъ, но даже и къ частнымъ лицамъ.— И такъ, только одинъ *Вселенскій* Соборъ имѣлъ власть прибавить или убавить къ Символу Вѣры. Эта власть, принадлежащая только *одному Вселенскому* Собору, выражена въ самомъ Символѣ: *и воединую* Святую *Соборную* и Апостольскую Церковь.

Наше слово *Церковь* (отъ Circus) не есть буквальный переводъ Греческаго слова Ἐκκλησία, т. е., *Соборъ, Собраніе*. Вѣровать въ *Соборъ* или *Собраніе* (Церковь) значитъ вѣровать въ его *рѣшеніе*. Соборъ (Собраніе, Церковь) названъ *Апостольскимъ* потому что рѣшенія его имѣли силу рѣшенія самихъ Апостоловъ. Кромѣ сего, назывался еще *Каѳолическимъ*. Происхожденіе этого слова слѣдующее: такъ какъ каноны Вселенскаго Собора постановлялись со всеобщаго согласія и одобренія Отцовъ, то они назывались рѣшеніями: κατὰ (*по*) τὸν λόγον (*словеси*) τῶν ὅλων (всѣхъ), а короче καθ᾽ὅλων, что, по Французски, можно буквальнѣе перевести: *selon tous*. Здѣсь τ предлога κατὰ превратилось, по правилу Греческаго языка, въ θ᾽, потому что слово послѣдующее начинается гласною съ воздыханіемъ (Aspiration); изъ этого образовали сложное Καθολικὸς Catholicus, что значитъ *вѣрующій въ рѣшенія со всеобщаго согласія Вселенскаго Собора*. И такъ, *Catholicus* у насъ переводится словомъ *Соборную*. Прибавленіе слова: „И *воединую* Святую,“ значитъ: Вѣрую въ рѣшенія *одного* только Вселенскаго Собора, признаю постановленія *одного* только Всел. Соб. Впрочемъ, само собою разумѣется, что Каѳолическою Церковью называлось и все Христіанство, имѣвшее своихъ представителей на Вселенскомъ съѣздѣ.

Такимъ образомъ, въ отношеніи догматическомъ, въ дѣлѣ вѣрованія, частныхъ Церквей, т. е., частныхъ ученій, не допускалъ этотъ членъ Символа Вѣры, то есть, не могло быть Римскаго, или Португальскаго, или Армянскаго ученія; въ противномъ случаѣ это объявляли ересью.

Конечно, позволялись и частныя собранія, но не по дѣлу догматовъ вѣры, а по дѣламъ управленія паствою и внѣшняго Іерархическаго устройства.

Между тѣмъ, какъ ни громили Вселенскіе Соборы всѣхъ отступающихъ отъ всеобщаго ученія, все таки Аріево ученіе распространилось по всей Европѣ; въ Италію занесли его Ост-Готѳы, во Францію и Испанію Вест-Готѳы, въ Африку Вандалы. Не знаю,

могли ли они на своемъ языкѣ вѣрно выразить мысль Аріеву, выраженную по Гречески; по крайней мѣрѣ, не переставали спорить объ этомъ предметѣ, за который Вандалы, въ Африкѣ, гнали Православныхъ немилосерднымъ образомъ.

Между тѣмъ какъ Аріанизмъ сталъ утихать, на оборотъ, съ Запада догматъ относительно Пресвятыя Троицы сталъ распространяться въ новомъ видѣ противъ Никейскаго Вселенскаго. Послушаемъ объ этомъ лучше Римско-Католическаго Богослова, *Газзанигу* (*Petr. Mar. Gazzaniga* Ord. Praedic. in Vindobonensi Universitate, S. S. Theologiae Professoris publici. De Aug. Trinit. Dissertat. V, cap. 3):

„Между тѣмъ какъ въ Символѣ вѣры, установленномъ Св. Отцами въ Никеѣ, а послѣ поясненномъ нѣсколькими словами на Вселенскомъ Константинопольскомъ Соборѣ, читается о Св. Духѣ: *иже отъ отца* исходящаго, — на Западѣ постепенно стали прибавлять слово *и сына* (*Filoque*). Вообще полагаютъ, что первые вставщики этого слова были Испанцы въ исходѣ VI столѣтія, а именно: когда Готѳы, въ царствованіе *Рекареда*, отвергнувъ ересь Аріанскую, приняли Православное Исповѣданіе, какъ видно изъ актовъ *третьяго* Толедскаго Собора 589 году. Примѣру Испанцевъ (т. е., Готѳовъ?) послѣдовали Французы, но, когда, неизвѣстно. *Pithoeus* относитъ это къ концу VIII вѣка, что тоже подтверждаетъ разными свидѣтельствами и доводами ученѣйшій отецъ, *Bernardus de Rubeis*. Въ IX же столѣтіи пѣли Символъ съ прибавленіемъ *и сына* (Filioque) не только во Франціи, но и въ Германіи. Наконецъ, съ половины XI вѣка приняли это въ Римѣ и Италіи, что видно изъ актовъ собора, созваннаго (вѣроятно, по этой причинѣ), въ 1054 году, въ Константинополь Патріархомъ *Михаиломъ Керуларіемъ*, и изъ его письма къ *Петру*, Патріарху Антіохійскому. *Вѣроятно* въ самомъ Римѣ эту вставку сдѣлалъ *Бенедиктъ VIII*, когда въ 1014 году, по просьбѣ Императора Генриха I, велѣлъ въ литургіи громогласно пропѣть Символъ Константинопольскій, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ *Berno Abbas Augiensis*. Этотъ поступокъ *Бенедикта VIII* не очень похваляетъ Кардиналъ *Бароній*, когда говоритъ: *намъ бы пріятнѣе было остаться при священномъ тысяче-лѣтнемъ употребленіи, нежели хвататься за нововведеніе*.“ *

---

* *Baron*. Nobis gratius esset, si venerandae antiquitati annorum mille magia delatum esset, quam novitati.

Ниже, въ VIII возраженіи, говоритъ Газзанига: Карлъ Великій отправилъ, въ 810 году, въ Римъ *Бернарія*, Вормскаго Епископа, *Ессу*, Епископа Амбіанскаго, *Адаларда*, Аббата Корбейскаго монастыря, къ Папѣ *Льву III*, чтобы упросили его одобрить постановленіе Ахенскаго Собора 809 г. объ исхожденіи Св. Духа *и отъ Сына*, и чтобъ онъ приказалъ это вставить въ Символъ Вѣры. Мудрѣйшій Папа, хотя одобрилъ рѣшеніе, но вставить въ Символъ *Filioque* ни какъ не хотѣлъ, повинуясь постановленію Св. Вселенскихъ Отцовъ. „Я, отвѣчалъ онъ, не только не поставляю себя выше ихъ (вставляя одинъ, самовластно), но даже далекъ и отъ того, чтобы дерзнулъ сравниться съ ними" *. Этого мало, чтобъ отвратить и пресѣчь дорогу къ тому опасному нововведенію, онъ велѣлъ Символъ Вѣры, безъ малѣйшей вставки вырѣзать на двухъ серебренныхъ доскахъ по Гречески и по Латыни, и эти доски велѣлъ прибить въ Храмъ (Старомъ) Св. Петра **. Это разсказываетъ *Смарагдъ*, Аббатъ монастыря Св. Михаила въ Лотарингіи.

Конечно, и Бароній правъ, и Левъ III правъ, потому что Вселенскіе Отцы догматъ объ исхожденіи Св. Духа взяли 1) изъ Евангелія Св. Іоанна (глава 15.), слѣдовательно, прибавлять слова къ словамъ Евангелія предосудительно; 2) этотъ самый догматъ взятъ со словъ самаго Спасителя; слѣдовательно, всякая прибавка ни коимъ образомъ не позволительна; 3) эта вставка началась *самымъ частнымъ* образомъ, распространялась тайкомъ по Франціи, безъ вѣдома Вселенскихъ представителей, и вопреки Вселенскому же постановленію, и подъ анаѳемою отъ имени всѣхъ.

Не мое дѣло судить объ этой вставкѣ въ догматическомъ отношеніи; мнѣ нужно только историческое ея отношеніе. *Замѣть хорошо*, что

1) *Левъ* III не посылалъ молніи анаѳемской на Карла В., потому что Римскіе Епископы тогда не имѣли еще власти, какую присвоили себѣ Папы съ XI вѣка, послѣ Григорія VII. Изъ того, что Левъ III велѣлъ прибить православный Символъ на стѣнѣ,

---

* *Nam ego*, inquit, *me illis non dico praeferam, sed etiam illud absit mihi, ut coaequare praesumat.*

** Кажется, от. Газзанига опять въ противорѣчіи: Слова Льва III показываютъ, что онъ, вопреки Св. Отцамъ, никакъ не рѣшался одобрить вставки. За чѣмъ же Льву присылать было одобреніе, отъ котораго онъ отрекался такъ ощутительно?!

въ Храмѣ Св. Петра, видно, до какой степени тайно онъ не одобрялъ Франко-Германскаго нововведенія.

2) Левъ III, въ IX вѣкѣ, не знаетъ о другомъ возможномъ ученіи, кромѣ ученія отцовъ Вселенскихъ, т. е., Вселенской Церкви. И дѣйствительно,

а) До отпаденія Запада отъ Вселенской Церкви, въ XI вѣкѣ, мысль объ *ученіи* какой либо *частной Церкви* была неестественна и невозможна. Да и что значило бы выраженіе: *ученіе Сирійской Церкви*, *ученіе Цареградской*, *Александрійской*, *Римской Церкви!!!!* Другаго ученія, кромѣ *Вселенскаго*, никто себѣ не воображалъ; вотъ почему Левъ III, какъ и всѣ вообще, ссылался, и могъ ссылаться, только на ученіе *Св. Отецъ*.

б) Выраженіе: *ученіе Римской Церкви* могло пойти въ ходъ только со времени ея отпаденія отъ Вселенской, т. е., съ XI вѣка, или съ принятія Римомъ *Filioque*.

в) От. Газзанига ставитъ эпоху принятія Римомъ *Filioque* 1014 годъ, по тому случаю, что, де, Императоръ *Генрихъ I* просилъ Бенедикта VIII пропѣть публично (in Ecclesia Romana *publice* in missa) Символъ Константинопольскій, а это думаетъ такъ только, говоря: „*вѣроятно тогда*" (probabile est, etc.). Это одна только догадка, не кстати привязанная къ этому времени, потому что требованіе Императора Генриха I пропѣть Православный К-польскій) Символъ былъ, очевидно, въ духѣ поступка Льва III. — Если бъ эта вставка дѣйствительно была принята въ Римѣ въ 1014 году, то въ Константинополѣ гораздо раньше созвали бы Соборъ и предали бы анаѳемѣ вставщиковъ. Но этотъ Соборъ былъ только 1054 году. Въ этомъ году скончался *Левъ IX*, почитаемый Святымъ, слѣдовательно, православнымъ, въ этомъ же году наслѣдовалъ ему Викторъ II.

И такъ, всего вѣроятнѣе, что *вставка въ* Символъ принята въ Римѣ только съ 1054 году.

Такъ какъ дѣло идетъ не только о времени появленія словъ: „*ученіе Римской Церкви*," но еще и о времени словъ „*повелѣваемъ, позволяемъ*," которыми насъ угощаютъ буллы, приписываемыя Іоанну VIII, то это заставляетъ меня взглянуть, вкратцѣ, на *политическія* эпохи Римской Епископіи.

Не надобно забывать, что *четверопрестоліе* основано Апостолами: въ Александріи *Св. Маркомъ* Евангелистомъ, въ Іерусалимѣ братомъ Господнимъ, *Іаковомъ*; въ пышной и многолюдной столицѣ востока, Антіохіи, Св. Петромъ; въ мѣстечкѣ Визан-

тѣ, Св. Андреемъ Первозваннымъ. Въ Антіохіи Петръ Апостолъ училъ 7 лѣтъ; число вѣрующихъ до того умножилось, что явно стали именовать себя Христіанами, что и обратило на нихъ вниманіе Римскаго Правительства. Петръ былъ схваченъ и отвезенъ въ Римъ, гдѣ и пріялъ мученическую смерть. Отправляясь на мученичество, Петръ Апостолъ оставилъ ключи своея паствы ученикамъ своимъ, *Св. Еводію* и *Св. Игнатію.*

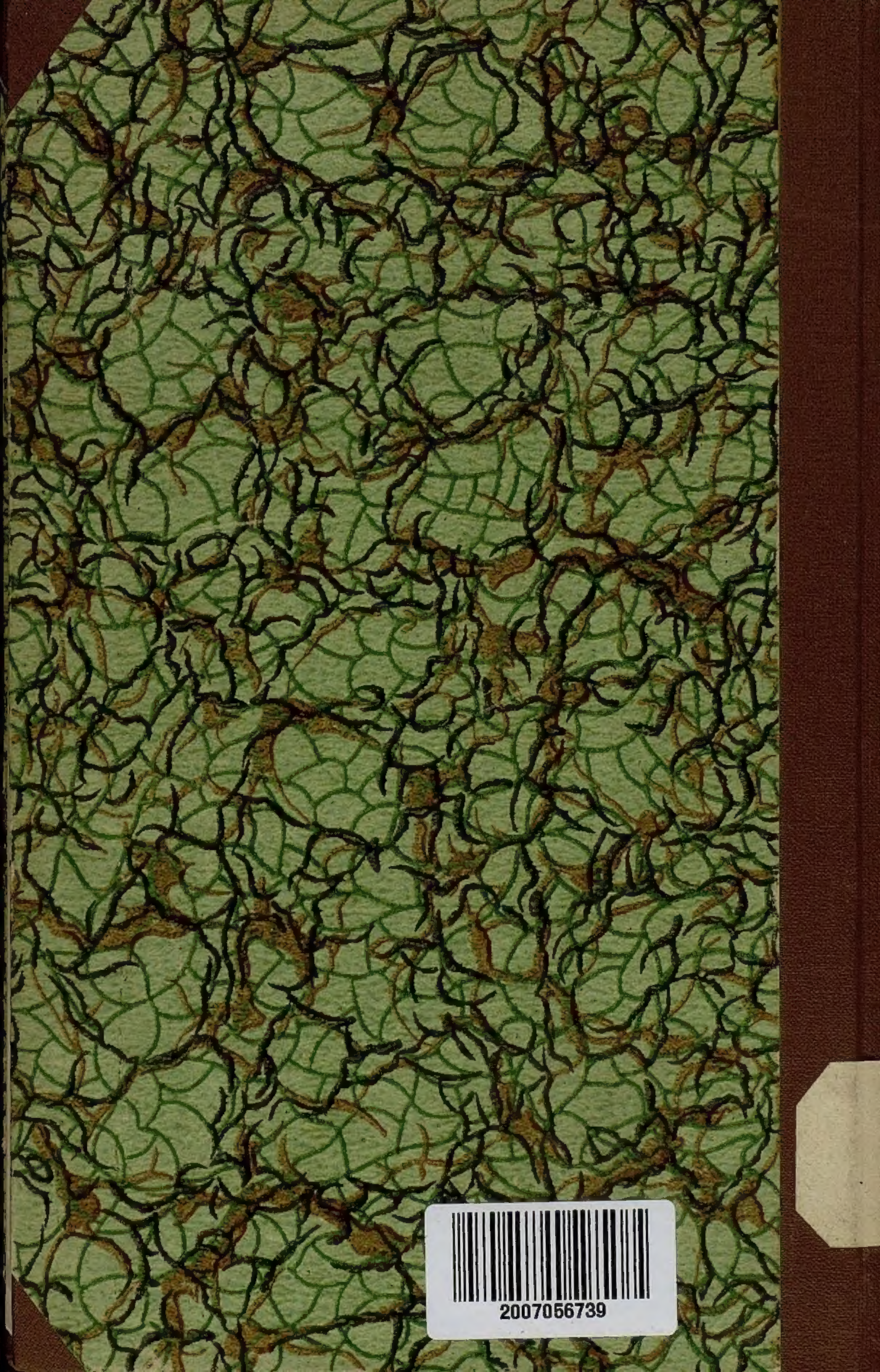
Какъ ни были кровавы гоненія Римскаго Правительства въ продолженіе 300 лѣтъ, Христіанство быстро распространялось и устроивалось въ управительномъ отношеніи. Церкви, которыя болѣе прочихъ имѣли вѣсу, каковы Александрійская, Антіохійская, Іерусалимская, Ефесская, Смирнская и другія, отправляли къ вѣрующимъ наставниковъ, которые, наставляя, вмѣстѣ наблюдали и за *единомысліемъ* въ вѣрованіи, и за *поведеніемъ* обращенныхъ: потому-то они и назывались *посланниками* (*Пресвитеры*). За Пресвитерами наблюдали Епископы.

Въ продолженіе этого времени, въ Римѣ менѣе всего, нежели гдѣ либо, можно было ожидать новообращаемыхъ, при строгомъ вниманіи полиціи. Конечно, и въ Римѣ было небольшое собраніе Христіанъ, но оно состояло, большею частію, изъ Восточныхъ уроженцевъ, жившихъ въ столицѣ имперіи по дѣламъ или изъ торговли. Къ нимъ пріѣзжали посланные (Пресвитеры) съ Востока, который не могъ не присматривать за своими въ этомъ центрѣ гоненій. Вотъ почему въ тѣ времена всѣ тѣ, которые, какъ вообще говорится, были преемниками Петра, были или Греки, или Сирійцы.

И такъ, не большое общество Римскихъ Христіанъ нельзя и въ сравненіе приводить съ объемомъ и степенью Восточныхъ Епископій. И послѣ Діоклетіана такова была ненависть Рима противъ Христіанъ, что Константинъ В. не рѣшался объявить въ Римѣ Христіанскую религію публичною открытіемъ для нея публичнаго храма. Это сдѣлалъ его преемникъ, *Константій*, около половины IV вѣка, превративъ храмъ *Побѣды* (templum Victoriae) въ Церковь Христіанскую. *

---

* Статья прервана смертію ея автора. *М.*

2007056739